

«Фишка Александры Мироновой — предсказуемо не будет».
НАТАЛИЯ ПОЛЯНСКАЯ, ПИСАТЕЛЬ

АЛЕКСАНДРА
МИРОНОВА

ДВАЖДЫ В ОДНУ РЕКУ

Второй шанс
на первую любовь

Александра Васильевна Миронова
Дважды в одну реку
Серия «Вслед за мечтой.
Романы А. Мироновой»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69243880

Дважды в одну реку: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-187258-8

Аннотация

Роман от талантливого российского автора Александры Мироновой!

Регина несчастлива в браке, но пытается убедить себя в обратном. Она ведет популярный блог, в котором ее семейная жизнь выглядит идеальной. За кадром же царит настоящий разлад: равнодушный муж изменяет, сын отстранился, а приемная дочь сводит Регину с ума. Но все меняет встреча из прошлого. Первая любовь Регины – Митя, возвращается в город. В последний раз они виделись четырнадцать лет назад в тот злосчастный день на реке...

«Дважды в одну реку» – это психологический роман о счастье, любви и прощении. Эта история в очередной раз напоминает нам, что по-настоящему важно, а что лишь создает видимость благополучия. И, главное: Александра Миронова вновь не дает

читателю заскучать. Сюжет держит в напряжении до самого конца, снова и снова удивляя неожиданными ходами.

Содержание

Четырнадцать лет назад	6
Наше время	9
Четырнадцать лет назад	32
Наше время	41
Четырнадцать лет назад	64
Наше время	66
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Александра Миронова

Дважды в одну реку

© Миронова А., 2023

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Андрею.

Ты ушел слишком рано

Четырнадцать лет назад

Сердце разрывалось. Все вокруг было размыто, мутно, словно под толщей воды. Жаркий полдень последнего школьного дня гудел в радостном предвкушении отдыха: все обсуждали планы на каникулы, кто-то уже представлял себя на море, и каждый мечтал поскорее избавиться от учебников. Двор первой городской школы жужжал как взбудораженный улей, но не зло, а радостно-мечтательно. И лишь одной Регине хотелось умереть.

Она ненавидит летние каникулы. Ведь это значит, что Митю она не увидит целых три месяца. Вначале родители повежут его с визитами вежливости (или с «вояжами», как называет это сам Митя) по многочисленным родственникам. А родственники у Мити знатные – профессора, банкиры, бизнесмены и даже троюродный дядюшка-режиссер. Наобнимавшись, наговорившись и навидавшись со всеми, Митя с родителями улетит на море «напитываться йодом», как выражается его мать, утонченная красавица Екатерина Антоновна, а затем в языковой лагерь улучшать французский. В то время как она, Регина, будет праздно шататься по опустевшему, выжженному жарой пыльному городу, где летом кроме тополиного пуха нечем дышать. Где воздух пропитывается гарью от дымящих заводов, а вода в речке приобретает зеленый цвет и смердит хуже городской помойки.

Она будет нарезать круги вокруг дома Мити, чтобы в сто- тысячный раз посмотреть на его окна. В них не будет света. Она дождется темноты и того момента, когда мать наконец уснет. Вернется домой и с радостью вычеркнет из небольшо- го календаря еще один день.

Регина ненавидит каникулы и, в отличие от остальных од- ноклассников, которые не могут дождаться их начала, стре- мится растянуть оставшийся день как резину. Чтобы счастье продлилось как можно дольше, наполнило ее, чтобы воспо- минаний хватило до двадцать восьмого августа. Дня, когда Митя вернется в город.

Конечно же, он будет ей писать – они обо всем догово- рились. Каждый день будет отправлять хотя бы несколько строк. Зная Митю, она уверена, что так и будет. Но ведь она не сможет ему ответить. Поэтому общение все равно будет неполноценным.

Хотя это, наверное, к лучшему. Что ей рассказать? У нее нет дядюшки-режиссера с миллионом забавных историй. Лучше Митю послушает.

– Прикроешь меня? – жарко шепчет Регина на ухо Лизке. Та смеется, ей щекотно и радостно за подругу. Лизка, легкая, как перышко, похожая на призрачное дуновение весеннего ветерка с ее спиральками-кудряшками, веснушками и вечно смеющимися глазами. Ее самый родной человек.

– Ну, конечно, дурында, – кивает она, – когда и на сколь- ко?

– Мы в парк пойдем гулять, в шесть, – еще ближе пододвигается к подруге Регина. Как она может ответить «на сколько», если рядом с Митей она попадает во временную дыру, последнее, о чем она думает, – это время.

– Ладно, схожу в кино, – вздыхает подруга. – Даю вам времени до девяти, хватит?

Регина морщится, затем кивает. До девяти – это же целая вечность! Порывисто обнимает подругу:

– Ты лучшая. Что бы я без тебя делала?

– Сама не знаю, что бы ты без меня делала, – смеется Лизка и снова становится невесомой и такой родной. Затем делает шаг назад и смотрит на Регину:

– А вы в какой парк собрались?

– В «Пионерский», а что?

Регина безоговорочно доверяет подруге. Если та задает вопрос, значит, есть повод.

– А Катруся вас там не засечет со своей собачкой? Она же как раз на пробежки в это время выходит.

– Нет, сегодня у нее шейпинг, – радостно выдыхает Регина. – Митя все предусмотрел.

– Хорошо, – серьезно кивает Лиза, – потому что Катруся нажалуется мамике, а та мне голову оторвет.

Вместо ответа Регина обнимает подругу.

– Люблю тебя, – жарко шепчет она Лизке на ухо, а та снова смеется.

Наше время

От вранья отчаянно тошнило. Но она приказала себе не думать об этом. Встала пораньше, испортила два листа бумаги в попытке изобразить детский примитив. С третьего раза получилось. Рисунок выглядел кривоватым, но ярким и радостным – детский психолог остался бы доволен. Дело за малым – уговорить Алису поучаствовать в представлении.

В последнее время Регина всеми силами пыталась избегать общения с девочкой. Ведь каждая ее просьба, пожелание или приказ сопровождалась истериками, шантажом, вымогательством, а иногда и откровенным хамством. Но сегодня у нее просто нет выбора. Придется вынести все ради благой цели.

Наложив последние штрихи на слишком бледное лицо, Регина решила добавить капельку румян – она знала, что розовые румяна делают лицо на фотографиях моложе. Окинула себя долгим взглядом в зеркале – моложавая, подтянутая, ухоженная.

Длинные густые темные волосы, идеально ровная челка, острые скулы и чуть припухлые губы (не природа, конечно же, а аккуратный укол). Грудь, талия, стройные ноги, которые Сергей зачем-то еще больше вытягивал во время обработки фотографий. И глаза.

Глаза – это ее генетический джекпот: синие, с двойным

рядом ресниц. Единственный подарок от мамы. Именно глаза делали в целом непримечательное лицо Регины по-настоящему красивым. От них невозможно было отвести взгляд. И именно поэтому большую часть времени Регина предпочитала ходить в солнечных очках. Не любила пускать в душу посторонних.

В дверь постучали.

– Готова? Давай сфоткаю, пока свет хороший.

Последние три года ее муж Сергей занимался только фотографией. Надо отметить, у него отлично получалось. Без него ее блог не был бы столь успешным и не привел бы ее туда, где она была сейчас.

Регина одной из первых освоила социальные сети. Очувшившись в декрете с маленьким Тимом, вырванная из привычной среды, она отчаянно скучала и открыла для себя виртуальный мир.

Вначале это были небольшие остроумные размышления о жизни молодой матери (ей всегда удавалось разыскать интересные детали в ничем не примечательных на первый взгляд вещах и событиях). А фото упитанного розовощекого маленького Тима, выглядящего младенцем с рекламы мыла, придавали всем ее заметкам умильный характер.

Все больше пользователей осваивали новую социальную сеть и искали отдых для глаз и мозга. Аккаунт Регины оказался идеальным решением – красивые картинки и забавные заметки.

Подписчиков становилось все больше, блогерство захватило, увлекло и в конце концов начало приносить ощутимый доход.

Регина стала первой «язматерью» русскоязычного интернет-пространства, и на ее голову полился щедрый дождь из рекламных контрактов, приглашений на радио и телевидение, многочисленных интервью в гляцевых журналах и даже автограф-сессий. Она стала лицом двух местных марок, после чего окончательно бросила работу медсестры и переквалифицировалась в профессионального блогера.

Работа приносила удовольствие и ничуть не изматывала: на воображение Регина никогда не жаловалась, темы для публикаций витали в воздухе – бери и излагай. И хотя в детстве и юности ей тяжело давалось излишнее внимание к собственной персоне, она сумела измениться и со временем даже начала ощущать, что ей нравится купаться в свете софитов, нравится, когда люди узнают на улице, нравится быть звездой. У нее все получилось. Не благодаря, а вопреки.

Конечно же, Сергей тоже сыграл свою роль. Муж бросил скучную работу банковского служащего, купил профессиональную фототехнику, записался на курсы и неожиданно открыл в себе талант фотографа.

Он часто мелькал у нее в блоге, дополняя картинку счастливой современной семьи. Сделав себе имя на красивых фотографиях жены и ребенка, он стал получать заказы и от подписчиков Регины, что слегка действовало ей на нервы и

немного расстраивало. Особенно когда выяснилось, что, помимо сладких семейных портретов, Сергей еще и весьма качественно снимает эротику. После первой попытки (в качестве модели он снял собственную жену) тоненький ручеек клиентов превратился в грохочущий водопад.

В то время как бизнес Сергея расширялся и расцветал – он стал делать фотографии для стоков, сотрудничать с глянцевыми изданиями и даже получил премию за лучшее фото от иностранного издания, солнце славы самой Регины начало стремительно катиться к закату.

Интернет наводнили новые звезды и гуру – многодетные тонкие и звонкие матери, одной рукой воспитывающие многочисленных фотогеничных детей, а другой ведущие домашнее хозяйство: ловко стругающие салаты из артишоков и козьего сыра, вдохновенно сочиняющие пудинги из кокосового молока с семенами чиа и ведущие отвратительно здоровый образ жизни. Наводящие красоту строго органическими средствами и моющие голову по определенному ритуалу, связанному с фазой луны.

Раз в два года они выпускали в свет нового младенца, колесо делало оборот, хлопоты и трудности росли, а нетребовательная публика жадно внимала подробностям – справится ли с возросшей нагрузкой молодая мать и решит ли снова забеременеть? Конкурентки выкладывали настолько личные подробности, что у Регины кровь в жилах стыла. И, к сожалению, ей было нечего противопоставить широким замоч-

ным скважинам, через которые отчаянные женщины пускали в свою жизнь посторонних.

Единственный сын Регины стремительно выходил из возраста прелестного малыша, превращаясь во вредного подростка. Он категорически отказывался участвовать в родительских проектах и мелькать в бесконечных сторис. Регина больше не чувствовала себя вправе раздавать советы по материнству, а все чаще начинала говорить на отвлеченные темы и пользоваться дешевым приемом, спрашивая у читателей «А как у вас?». Но чем дальше, тем больше у них с Сергеем возникало чувство, что их шикарная парусная яхта медленно, но верно идет ко дну.

Регину это приводило в отчаяние. Наверное, поэтому она и согласилась на безумную авантюру, придуманную Сергеем: удочерение симпатичной девочки Алисы, от которой уже отказались две предыдущие семьи, мотивировав свое решение гнусным характером ребенка.

Алиса была кукольно-красива – очаровательные рыжие кудрявые волосы, зеленые глаза, фарфоровая кожа, щедро усыпанная веснушками. На фотографиях Сергея она выглядела солнышком, маленьким ангелом, в жизни же девчонка была настоящим чудовищем, по капле отравлявшим Регине жизнь. И как бы она ни старалась, она так и не смогла полюбить Алису.

– Регина, не дури, выходи, опоздаете. У меня съемка начинается через час, мне уже пора выезжать, – тихий голос

мужа вырвал Регину из пучины невеселых мыслей.

Глубоко вдохнув, она распахнула дверь и бодро-фальшиво улыбнулась Сергею, понадеявшись, что он ничего не заметит. Впрочем, тот и не смотрел в ее направлении. Вернулся к камере, взглянул на экран и скомандовал:

– Давай так, сейчас Алиса войдет и даст тебе... Что она тебе даст?

– Рисунок.

– Да, рисунок. Ты его возьмешь и медленно, только медленно, а не как в прошлый раз, возьмешь, посмотришь, оценишь, потом обнимешь и поцелуешь Алису. Поняла?

– Не дура, – не выдержав, огрызнулась Регина, но, поймав укоризненный взгляд мужа, тут же раскаялась – в последнее время она слишком жестока к нему. Он же хочет как лучше.

– Алиса, – позвал Сергей, не заметивший душевных терзаний жены, – детка, иди сюда.

Ни звука. Регина бросила обеспокоенный взгляд в коридор, в торце которого располагалась комната девочки.

– Она точно проснулась? – уточнила она у мужа, в чьи обязанности входило будить Алису по утрам.

У самой Регины не хватало на это терпения. Девочка с трудом вставала, капризничала и мотала нервы по полной программе. Затем наступал момент завтрака, и все становилось еще хуже.

Алисе никогда не нравилось то, что готовила Регина. Девочка соглашалась есть лишь то, что ел Тим. Вот уже некото-

рое время тот готовил себе сам и категорически отказывался от помощи матери. И хотя меню Тима приводило ее в отчаяние (яичница с колбасой, бутерброды с плавленым сыром и почему-то макароны с сахаром), она махнула на это рукой, потому что этой дрянью он мог накормить и Алису. Без криков и воплей. Регина ненавидела себя за малодушие, но не делала ничего, чтобы это изменить. В свое время Тим безропотно ел то, что ему предлагали, поэтому Регина понятия не имела, что делать с ребенком, который от еды отказывается.

– Я будил, она сказала, что встает, – отрапортовал Сергей, не двинувшись с места. – Давай пока пару твоих кадров. Типа ты кофе делаешь или грустишь у окна, потом напишешь, как печально, что дети так быстро растут.

– Фу, – скривилась Регина, – как оригинально. Нет уж, давай поднимай Алису, а то мы действительно опоздаем.

– Мне вообще-то надо выезжать, – смалодушничал муж.

К девочке он относился неплохо. Но выслушивать очередной раунд ее воплей и скандалов совсем не хотелось. Настроение было слишком солнечным и радужным для обычной рутины. Грядущий день сулил много всего приятного. В частности – Снежану.

Регина кинула сердитый взгляд на мужа и уже собиралась высказать ему все, что думает, но в последний момент сдержалась.

Отношения и так были напряженными, они с Сергеем проходили через очередной кризис семейной жизни (так ей

сказала психолог), не нужно лишний раз испытывать мужа на прочность.

Бросив встревоженный взгляд на часы, Регина решительным шагом направилась к комнате Алисы, но на половине пути, как обычно, струсила. Толкнула дверь по правую руку – в комнату Тима. Сын, одетый и собранный, сидел перед компьютером, смотрел очередной японский мультфильм – в этот раз «Наруто».

– Уже едем? – Тим легко подскочил и схватил школьный рюкзак. Регина с трудом удержалась, чтобы не обнять и не поцеловать его – в последнее время подросток все сильнее сопротивлялся материнской ласке, это тоже огорчало.

– Можешь поднять Алису? – немного заискивающе попросила Регина и, заметив вопросительный взгляд сына, немедленно подлизалась. – У тебя это лучше получается.

– Алиска-а-а! – не задавая лишних вопросов, заорал Тим и направился в соседнюю комнату, откуда немедленно донесся вопль. – Ты что, проспала? Давай вставай! В школу опоздаешь!

Регина вернулась на кухню. Несколько минут изящно сервировала стол. Движения были автоматическими – она знала, под каким углом положить салфетку, чтобы было красиво. Как составить фотогеничную композицию – кофейная чашка тонкого фарфора на фоне массивной оригинальной вазы, усыпанной керамическими улитками. Эту красоту они привезли в прошлом году из Португалии.

В вазе свежий букет цветов. Белоснежная скатерть, которая расцвечена радужными бликами стекла. Тонко порезанный сыр, авокадо, цельнозерновые тосты в плетеной корзинке прикрыты накрахмаленной салфеткой. В яркой детской чашке какао. Идеальное утро в идеальной семье.

– Фу, я не буду это жрать, – немедленно заканючила Алиса, едва войдя в кухню и даже не посмотрев толком на стол.

– Не жрать, а есть, – тут же поправил ее Тим.

– Это ты ешь, а я жру, – принялась настаивать Алиса, зная, что этим доведет Регину до бешенства.

– Алиса, – глубоко вдохнув, Регина повернулась к девочке, – мне нужно, чтобы ты дала мне этот рисунок, а Сер... папа сфотографирует нас в этот момент.

– Купи куклу Братц, – немедленно заявила Алиса и, скрепив руки на груди, уставилась на Регину прозрачными глазами. Рыжие волосы растрепаны, футболка после сна помята и растянута – настоящая бестия.

– Что? – на секунду опешила Регина, хотя уже должна была привыкнуть к подобным выходкам.

– Что слышала! Купи куклу Братц, и тогда я дам тебе рисунок.

– Ты что, решила со мной поторговаться? – Регина почувствовала надвигающийся приступ бешенства и с силой вонзила ногти в ладони, чтобы купировать его. Не поддаваться, только не поддаваться, не показывать девчонке, что она шантажом может выбить из нее эмоции.

– Так нельзя, Алиса, – резонно возразил Тим, усаживаясь за стол. – Мама старалась, готовила тебе завтрак. Сегодня первый день в школе. Ты что, хочешь со всеми поссориться?

– Я хочу куклу Братц! – на высоких децибелах завизжала Алиса, а Регина резко, не отдавая себе отчета в том, что делает, заткнула уши руками.

– А-а-а! – продолжала заходиться Алиса.

– Прекратите! – наконец вмешался Сергей.

Все чаще «теплая домашняя атмосфера», которую они каждый день продавали наивным подписчикам, действовала ему на нервы. Вот и теперь – Регина, образцовая мать, не могла справиться с девчонкой. Хотя, справедливости ради, та и мертвого сумела бы до ручки довести.

– А можно начать утро в доме без воплей? – гаркнул он командирским тоном. И тон этот совершенно не вязался с укороченными хипстерскими брюками, розовой приталенной рубашкой, короткими носками и слишком аккуратно уложенными волосами.

Регина опустила руки и увидела, что муж разъярен. А раз ему плохо дома, то покой он будет искать где-нибудь в другом месте – к гадалке не ходи. К тому же и местечко уже имеется, судя по всему.

– Хорошо, – тихо сказала она, и девчонка немедленно оборвала визг. Вопросительно взглянула на Регину. – Хорошо, я куплю тебе эту чертову куклу, только замолчи и сделай то, что тебя просят.

– Две куклы, – тут же сориентировалась Алиса и иезуитски улыбнулась.

– Что? – ошолбенело переспросила Регина, но, заметив нахмурившегося мужа, кинувшего обеспокоенный взгляд на часы, покорилась. – Ладно, две куклы.

– Ясно, кто у нас в семье босс, – Сергей тут же сменил тон с гневного на милостивый и, коротко нырнув в коридор, вернулся с очередным объективом, который принялся прилаживать на камеру. – Алиса, детка, мама сейчас даст тебе рисунок, а ты сделаешь вид, что даешь его маме.

– А что, так можно было? – немного обиженно хихикнул Тим. – А почему я все делал просто так?

– Потому что ты идеальный ребенок, – не сдержавшись, выпалила Регина и тут же обругала себя – взрослая женщина, а ввязывается в конфликт с ребенком.

– Готовы? – поторопил их Сергей.

– Дай мне три минуты, я ее переодену и расчешу, – спохватилась Регина, а муж лишь закатил глаза в ответ.

* * *

На фотографиях Сергея все было идеально: любящая прекрасная семья объединилась в едином порыве в трогательный и значимый момент – младшая дочь идет в школу. Глаза лучились любовью, объятия были теплыми и искренними, все члены семьи друг друга обожали. Как жаль, что реальная

жизнь — это не фотография в социальной сети.

Регина пыталась улыбаться, ведь среди тех, кто привел сегодня в школу розовых и сопящих малышей, наполненных важностью момента, вполне могли быть ее подписчики. В родном городе она была личностью известной.

Но счастье и энтузиазм давались ей с трудом. После выхода из дома ей позвонил чиновник городской администрации с говорящей фамилией Сморчков и проямлил, что с ее проектом возникли сложности. Нужно все еще немного обдумать и обсудить. Регина с трудом удержалась от того, чтобы не наговорить ему гадостей. Все было просто и банально. Дорогой фитнес-клуб на месте старого спорткомплекса, конечно же, был более выгоден администрации, чем простой детский бассейн, где дети из малообеспеченных семей смогут научиться плавать благодаря проекту Регины. Сквозь зубы она попросила чиновника о личной встрече. Ей нужна была отсрочка, чтобы решить, что делать.

Закончив разговор, Регина выдохнула, улыбнулась и сделала вид, что абсолютно счастлива. Казалось, будто все тело болит от тщетных усилий выдать желаемое за действительное. Алиса доверчиво взяла Тима за руку и весело пошла с ним впереди, с интересом слушая воспоминания о первом школьном дне брата и наставления, как нужно себя вести, чтобы не подставиться. А Регина, держа в руках стильный букет цветов (никаких пошлых гладиолусов!), шла за ними, с трудом переставляя ноги.

Хотелось лечь на землю, зареветь от отчаяния, уснуть и не проснуться. Или просто развернуться, убежать в машину, уехать домой и предоставить Сереже со всем разбираться. Хотя бы раз в жизни. Кстати, а почему он не явился на первый учебный день любимой «доченьки»? Какая съемка оказалась для него важнее? Зачем он вообще ее назначил на первое сентября?

– Рина?

Кажется, она так и не поставила ногу на землю. Забыла сделать шаг, зависла в воздухе.

– Рина, это ты?

Ей даже не надо было оборачиваться, чтобы посмотреть, кто ее зовет. Этот голос был впечатан в ее ДНК.

– Рина?

– Митя? – не сказала, а выдохнула.

Перед тем как обернуться, на секунду закрыла глаза, задержала дыхание.

Солнце палило невыносимо, сжигало дотла. На небе ни облачка, а обещали дождь. Впрочем, он уже извещал о скором прибытии – давлением, ласточками, летающими низко, внезапной головной болью и пылью в воздухе.

Удары сердца гулко отдавались в ушах, перехватывали горло, вызывали слезы на глазах. Словно заведенная кукла, она обернулась, открыла рот для радостного приветствия, но не смогла вымолвить ни слова.

– Неужели так изменился? – пауза чересчур затянулась,

и Митя решился нарушить ее первым.

– Нет, что ты, – фальшиво запротестовала Регина, но такая примитивная ложь не обманула бы даже глухого.

Митя изменился. Очень изменился. Спортивный и сухощавый, он набрал лишний вес, который тщетно пытался скрыть под свободным пальто (в такую жару!). Потухшие светлые глаза, длинные неухоженные волосы спрятаны под легкой шапкой, на лице щетина, не имеющая ничего общего со стильной небритостью – отросшие короткие борода и усы, в которых уже наметилась первая седина. Черная водолазка под горло подчеркивает землистый цвет лица и вселенскую усталость. Свободные брюки. Известный бренд, хорошее качество. Но дорогие и стильные вещи не спасали. Они нелепо морщились на корпулентном Мите и делали его похожим на клиента Армии спасения, которому удалось разжиться новым гардеробом из запасов почившего директора банка.

– Что... – Регина оборвала себя.

Ничего у него не случилось, ты прекрасно об этом знаешь. Мир на самом деле очень маленький. И он периодически доносил до Регины отголоски новостей про то, как хорошо Митя устроился в столице. Женился, сына растит, открыл несколько клиник, купил дом за городом.

– Шикарно выглядишь. – Казалось, Митя не заметил ее реакции, а даже если и заметил, то близко к сердцу не принял. – Красавица. Впрочем, как всегда.

– Ты какими судьбами здесь? – только и смогла выдавить

Регина, отчаянно борясь с собственными органами восприятия и заставляя их осознать открывшуюся картину. И понять.

– Сына в школу привел, – пожал плечами Митя, мимоходом усмехаясь и словно выглядывая кого-то, кто стоял позади Регины. Та даже обернулась, но не заметила ничего интересного – обычная суета, царящая во дворе школы первого сентября. Взволнованные родители, взлохмаченные дети, подростки, пытающиеся строить из себя взрослых. Те, кто еще не стесняется собственных эмоций, оживленно болтают, перебивают друг друга, обнимаются, целуются, сторонятся. Живут. Она уже и забыла, как это может быть просто и прекрасно одновременно. – А ты здесь как? – старательно, но как-то неловко поинтересовался Митя.

– У меня дочь в первый класс пошла, а сын в восьмой.

– В восьмой? Может, даже с моим вместе будет. У тебя двое детей?

– Да, – кивнула Регина.

– Замужем?

– Конечно, – после краткого замешательства ей удалось даже добавить радости в голос. – У меня все хорошо. Занимаюсь детьми, блогот. А... у тебя? Ты почему здесь? Ты же... уезжал в столицу, – наконец-то ей удалось это сказать.

Годы работы с психотерапевтом прошли не зря. Она даже сумела посмотреть ему в глаза. Те по-прежнему были светло-серыми, но за очками, которые он теперь носил, этого

практически не было видно.

– Уезжал, – крупным мазком Митя ушел от темы. – Знаешь, я ведь стал врачом. Реаниматологом. А какая разница, где спасать человеческие жизни?

Внезапно стало холодно, да так, что задрожали руки и по открытой в честь жаркого дня коже побежали крупные мурашки. Предатели.

– Да, конечно, но... – Она все-таки смогла справиться с собственным голосом, он не сорвался, в отличие от тысячи вопросов, моментально созревших в голове и уже просившихся на язык.

Ее прервал звонок телефона и надпись «Любимая» на экране Митиного телефона.

– Ладно, не буду тебя отвлекать, пора бежать, удачи. – Все вышло как-то скомканно и глупо, но ей действительно нужно разыскать детей, познакомиться с учительницей и сделать хотя бы несколько фотографий и стримов. Главное, чтобы Алиса снова не закатила концерт.

Ей стоило большого труда идти с расправленными плечами и прямой спиной. А также игнорировать тот факт, что Митя отвернулся от нее, разговаривая по телефону с «Любимой».

Исхитрившись и все-таки поцеловав Тима, Регина сделала несколько селфи с Алисой, предварительно шепнув ей на ухо, что после школы они пойдут есть мороженое, а потом сразу же в магазин игрушек за ужасными куклами. Та благо-

разумно не стала капризничать и устраивать истерики, была слишком поглощена всем происходящим, покорно дала себя поцеловать и даже улыбнулась в камеру, помахав почти полтора миллионам подписчиков.

Еще вчера Регина сочла бы это победой и добрым знаком, что их отношения меняются и в них появляются тепло и хотя бы некое подобие привязанности, но сейчас ей было не до этого. Неожиданно свалившаяся на голову возможность подумать о чем-то кроме семейных проблем кружила голову. Несмотря на проклятую «Любимую» на экране.

Покончив со всеми необходимыми формальностями, сфотографировавшись с парочкой узнавших ее подписчиц (все-таки она молодец, что успела до школы заглянуть на укладку), Регина, с трудом дождавшись, пока прозвенит торжественный первый звонок, легкой походкой вышла со двора и бегом бросилась к машине.

Все время торжественной линейки, общения с учительницей Алисы, с мамами одноклассников Тима и с поклонницами Регина украдкой бросала взгляды по сторонам в поисках Мити, но тот словно растворился в воздухе. Впрочем, сейчас это было не главное. Главное, что он каким-то невероятным образом снова оказался здесь, в городе.

Распахнув дверь машины, она рухнула в салон и наконец-то сделала то, о чем мечтала все утро. Достав телефон, она нажала на цифру «1» – быстрый набор номера.

– Лизка, ты не поверишь, кого я сейчас встретила! – зата-

раторила она в трубку.

* * *

Аллу сложно было не заметить. Красивая, ухоженная, с отличной фигурой (жена, по ее словам, «сублимировала» в спортзале), дорого одетая. Но привлекало к ней внимание вовсе не это, а выражение лица. Алла смотрела на всех так, словно одаривала милостью одним своим присутствием. Удивительно, как ей, такой невысокой, в любых обстоятельствах удавалось смотреть на мир сверху вниз. Алле достаточно было лишь взглянуть на человека этим своим взглядом, как тот тут же давал его жене все необходимое.

Но сейчас Митя не собирался этого делать. Его невероятно бесила ее уверенность в том, что она все делает правильно. Ее полное наплевательство на то, что она рушит жизни других людей. И способность обвинить в несчастьях всех... кроме себя. С утра он нервничал перед встречей с женой. Он ненавидел ссоры и конфликты, но достаточно было лишь взглянуть на Регину, как все внутри перевернулось. Ему захотелось излить гнев, бессилие и злость за то, что все пошло не так и жизнь разрушена. Хотя как раз в этом Алла была не виновата.

Резко чиркнув стулом по полу, Митя тяжело рухнул на заскрипевшее под его весом сиденье. Алла чуть брезгливо поморщилась – она не выносила громких звуков и полных

людей.

– Почему моего сына сегодня повел в школу другой мужчина? – Митя не стал ходить вокруг да около. Встреча с Региной подействовала на него сильнее, чем он ожидал. Словно кто-то взял топор и одним махом прорубил в плотине дыру, через которую эмоции хлынули наружу.

– Потому что теперь у него новый папа, – спокойно пожала плечами жена и манерно взяла в руку чашку кофе, собираясь сделать глоток, но Митя неожиданно проворно схватил ее за кисть и резким движением притянул к себе, проливая кофе на свое и так не особо свежее пальто.

– Папа у него один и всегда будет один, я не дам тебе забрать у меня сына, – кипящим от ярости голосом прошептал он ей на ухо.

– Пусти, мне больно, – прошипела Алла, но Митя и не думал сдаваться. Ему, в жизни своей не причинившему никому боли, неожиданно захотелось ударить жену. Никакая она ему больше не «любимая», надо будет переименовать ее в телефоне. Впрочем, «любимой» она никогда и не была. Он, как и все, лишь создавал видимость.

– Перестань вести себя как стерва, – процедил он.

– Я? – Черные глаза Аллы оказались неожиданно близко к его глазам и постарались прожечь дыру в его голове. – Я веду себя как стерва? Это говорит мне человек, который меня никогда не любил? Который испоганил мне жизнь?

Митя разжал руку, и Алла рухнула на стул, неосторожно

расплескав остатки кофе на идеальное новое платье.

– Я не дам тебе забрать сына, – взяв себя в руки, спокойно проинформировал ее Митя.

– Интересно, как ты можешь этому помешать? – фыркнула Алла. – Ты же ноль, пустое место. Только говоришь, но никогда не делаешь. И никогда не делал, милый. Иначе бы ты не сидел сейчас здесь.

Алла не удержалась от шпильки, но Митя оставил реплику жены без ответа, уж слишком она ударила по живому. Лишь упрямо повторил:

– Я не дам тебе забрать сына.

– Чего ты вообще хочешь? Забрать его себе? – зло выплюнула жена. – Ты что, будешь целыми днями с ним возиться, водить в школу, возить на кружки, готовить ему завтраки, обеды и ужины? Или, может, твоя мамочка будет этим заниматься? – от нелепости мысли Алла расхохоталась. – Митя, будь реалистом. Матвей останется со мной, и точка.

Резко встав, она кинула на стол заранее приготовленную купюру и быстро вышла из кафе. Одним неловким движением Митя сбросил на пол оставленную Аллой чашку, хранящую след красной помады. Та с громким стуком упала и разбилась. Митя с вызовом посмотрел на остальных посетителей кафе и перевел тяжелый взгляд на официанта:

– Я компенсирую.

Что такое плата за разбитую посуду по сравнению с тем, что ему предстояло?

Мите было больно смотреть на мать. Та, всегда ухоженная, одетая с иголочки, в любой ситуации с прямыми плечами и идеальной прической, сейчас выглядела постаревшей, жалкой, несчастной и словно сдувшейся.

– Ты с ней поговорил? – Екатерина Антоновна приложила к глазам шелковый платочек. Бумажные салфетки она не признавала и считала плебейством. Шелковые платки были у матери всю жизнь, сколько Митя себя помнил. С собственной монограммой, она изготавливала их на заказ. Они «соответствовали статусу». Тому самому статусу, который разрушил жизнь ее сына.

– Поговорил, мама, но не в том смысле, который тебя интересует, – тяжело выдохнул он, пододвигая к себе бутылку с купленным по дороге пивом и делая щедрый глоток.

Они сидели на просторной материнской кухне, в которой та недавно сделала ремонт. Привычная и любимая с детства обстановка исчезла, ее заменила стильная серая мебель с глянцевыми поверхностями. Совершенно непрактичный прозрачный стол и в пару ему прозрачные пластиковые стулья. Мать твердила, что так в помещении больше света и воздуха, сам же Митя чувствовал себя как посетитель пивной, из которой хочется смотреться, как только прикончишь свою кружку пива.

– Я что же, опять не увижу Матвея? – Екатерина Антоновна театрально всхлипнула. Внука она любила. Любила той беззаветной любовью, которой в свое время не досталось сыну. Когда хочется нещадно баловать, зацеловывать, ничего не требовать, не ругать, не контролировать, никуда не толкать, а просто наслаждаться каждым моментом так стремительно пролетающего детства.

– Мама, я все улажу, – не очень уверенно заверил ее Митя и положил неуклюжую опухшую руку на материнскую – теплую, родную, с идеальным маникюром, украшенную массивными кольцами.

Ему больше не хотелось говорить об Алле и о том, что привело его в родной город. Неожиданно все это отошло на второй план. Он все решит. Если не сам, то подключит органы власти. Связи и деньги у него имеются. Алла ошибается: в этот раз он добьется своего, не такой уж он и бесхребетный неудачник, как ей кажется.

Немного поколебавшись, Митя решился.

– Знаешь, кого я сегодня встретил? Регину! – выпалил и тут же осекся: зачем он это сказал? Мать это вряд ли порадует. Скорее добьет. Впрочем, почему нет? Столько времени прошло, он взрослый человек, пора им уже обо всем спокойно поговорить. Все уже отболело и отгорело. Все прошло.

– Регину? – Плечи Екатерины Антоновны моментально расправились, а глаза просохли и сверкнули давно угасшими молниями. – Ты что, ее искал? Ты поэтому решил вернуться?

К ней?

– Мама, успокойся, вернулся я из-за Матвея. К тому же Регине я совершенно не нужен, – горько усмехнувшись, покачал головой Митя. – Она замужем, у нее двое детей, прекрасно выглядит, популярный блогер. Вот, смотри.

Избегая смотреть матери в глаза, Митя достал телефон и сделал вид, что замешкался, пытаясь найти блог Регины. На самом деле он посвятил ему почти два часа, которые провел в ресторане неподалеку после встречи с Аллой. Успокаивая нервы коньяком и бифштексом. Рассматривал фото, читал подписи и комментарии, с горечью осознавая: Регина стала другой. Умной, дерзкой, острой на язык. Способной постоять за себя. Знающей себе цену. Незнакомой.

– Вот, смотри, это она. – Он открыл блог и протянул матери.

Екатерина Антоновна дрогнувшей рукой взяла телефон и уставилась в лицо той, кого ненавидела от всей души и кого искренне надеялась никогда больше не увидеть.

Четырнадцать лет назад

Она была похожа на разъяренную пантеру, мечущуюся в тесной клетке, готовую разорвать и уничтожить, впиться зубами в глотку и перегрызть артерию. Пойти на преступление, лишь бы спасти своего мальчика. Сходства добавляли черное свободное платье и темные волосы, с помощью которых Екатерина Антоновна в очередной раз сменила имидж.

Лихорадочно распахивала один шкаф за другим, сметая с полок все, что попадалось под руку. Вначале она пыталась аккуратно сложить Митины вещи в чемодан, но вскоре оставила попытки – потом разберется. Сейчас это не главное, на порядок нет времени. Нужно купировать как-то это безумие, пока не стало слишком поздно. Все исправить. Хотя нет – как это можно исправить? Нужно просто минимизировать последствия. Она не даст своему мальчику сгинуть!

– Мама, что ты делаешь? Прекрати! Просто послушай меня! – Митя пытался ей помешать, путался как щенок под ногами, бестолково бегая за ней и стараясь поймать за руку. Закрывать дверь, распаковать чемодан, положить вещи на место. Успокоить мать и все ей объяснить.

– Заткнись и не мешай мне! – впервые в жизни Екатерина повысила голос на любимого сына и обратилась к нему в подобном тоне. – Тебя посадят как соучастника, идиот!

– Мама, да прекрати ты! – неожиданно заорал в ответ Ми-

тя, и Екатерина застыла, остолбенев. Ее сын кричит на нее?

– Мама, выслушай меня, дай сказать! Никто никого не убивал! Мы и так были вместе с Региной, а не с Лизой! – продолжал кричать Митя, сходящий с ума от материнской суеты и истерики.

– Я не желаю тебя слушать, – с трудом взяв себя в руки, ледяным тоном сообщила Екатерина, медленно подходя к закрытому сыном чемодану, открывая его и кладя в него небрежно свернутый свитер, который держала в руках. – Ты уезжаешь, Митя. Отец уже купил билеты и едет за тобой. Ты уезжаешь сегодня же.

– Что? Нет! – Сын сделал шаг назад, воинственный тон исчез. Митя выглядел жалким, потерявшимся, как в тот день, когда она впервые отпустила его от себя и отвела в школу, открыв дверь в новый мир, принесший им столько бед и несчастий.

– Да, Митя, ты уезжаешь, и это не обсуждается. – Снова почувствовав себя хозяйкой положения, Екатерина даже рискнула повернуться к сыну спиной и сделать шаг к шкафу, собираясь достать из него оставшиеся вещи.

– Никуда я не поеду! – выкрикнул ей в спину Митя. Прежде чем она сумела что-то ответить, развернулся и выбежал из комнаты. Екатерина не сразу сообразила, что происходит, а когда поняла, было поздно. Хлопнула входная дверь.

Вначале она хотела броситься за ним, но остановилась на пороге. Это будет выглядеть нелепо – на радость всем дворо-

вым сплетницам мать бежит за сыном по двору в жалкой попытке удержать его дома. Нет, она до этого никогда не опустится.

Четким размеренным шагом она подошла к сумочке. Мерный ритм, который отбивали каблуки по паркету (она даже дома носила обувь на каблуках, не опускаясь до пошлых тапок), прозвучал оглушительно. Достала из сумки, стоящей на строго отведенном ей месте, телефон и набрала номер мужа. Тот ответил после третьего звонка:

– Катюша, я уже подъезжаю.

– Разворачивайся. Митя сбежал из дома.

– Сбежал? В каком смысле сбежал? – не сразу сообразил муж. Он вообще был редкостным тугодумом.

– В прямом. К этой... – она не смогла себя заставить произнести имя. Слишком претенциозным оно было и совершенно не подходило хозяйке. Вот уж правду говорят, что чем дальше от города, тем больше Анжелик.

– Поезжай в трущобы, он наверняка где-то там. Больше ему пойти некуда. И привези его домой, чего бы тебе это ни стоило.

* * *

– Рина! Рина, ты дома? Открой! Это я! – Он уже пять минут колотил в хлипкую дверь, выкрашенную противной бордовой краской, в тщетной попытке хоть как-то остановить

происходящее безумие. Что случилось? Куда она пропала? Она должна быть дома, ей больше некуда идти. Они должны поговорить, должны помочь друг другу. Сбежать вместе. Они смогут, выстоят. Или... Или она тогда сказала правду про Костика?

– Чего разорался? – Дверь распахнулась так неожиданно, что Митя едва устоял на ногах, в последний момент успев схватиться за дверной косяк.

– Извините, – пробормотал он, стараясь не морщиться от запаха, который источала женщина, появившаяся на пороге.

Болезненно худая, в обвисшем полинялом халате, приоткрывавшем миру поникшую грудь и тощие синие ноги, покрытые мелкой сеткой сосудов. Грязные спутанные волосы, опухшие глаза, которых практически не было видно. Женщина попыталась опереться о косяк, но стремительно заскользила куда-то вниз и, вцепившись в хлипкую облезлую дверную ручку, пьяно засмеялась:

– Чего шумишь, любовничек? Нет Регинки!

– Это неправда! – Стараясь побороть отвращение, Митя сделал шаг по направлению к пьяной нимфе, но та цепко держалась за дверь, всем видом демонстрируя, что если он решит прорываться сквозь нее, то она не сдастся без боя.

– Ишь ты, неправда! Ты что это такое говоришь? Тебя что, маман твоя не воспитывала? Взрослым такое говоришь, – забормотала женщина, пытаясь уловить ускользающую мысль. Но ей это не удалось.

– И вообще, где здрасте? – в итоге выкрикнула она.

– Здрасте. Регина! – закричал через ее голову Митя, вновь предпринимая отчаянную попытку прорваться в квартиру. Касаться матери Регины ему совсем не хотелось, но она не оставила ему выбора.

Митя сделал решительный шаг по направлению к прихожей, когда случилось то, чего он совсем не ожидал. Щуплая Лариса Васильевна, едва стоящая на ногах после очередной пьянки, вдруг с неизвестно откуда взявшейся силой оттолкнула его и резво захлопнула дверь перед самым носом, громко и отчетливо пригрозив с другой стороны:

– Я милицию позову, если не отстанешь. Катись отсюда и оставь Регинку в покое! Все проблемы из-за тебя!

* * *

Придерживаясь рукой за стены, Лариса Васильевна побрела вглубь квартиры. Та была крошечной. Две комнатухи, не видевшие ремонта с момента сдачи дома в эксплуатацию. Отдельную она отдала дочери, понимала, что той нужны место и покой для учебы. Только так она сможет вырваться в лучшую жизнь. Себе оставила проходную. Ей много не надо. Да и идти недалеко до кухни, если жажда одолеет. А так бы пришлось Регинку будить каждый раз, а та страсть как не любит, когда Лариса Васильевна душевную боль бленькой лечит.

Сейчас душа тоже молила о небольшой дозе лекарства, но Лариса сумела справиться с порывом. Нужно было хоть как-то сосредоточиться и решить, что делать дальше. Доченька ее в беде, и она должна помочь. Только что ей делать? Что она вообще может сделать? Лариса почувствовала, как на глаза набежали слезы. Как только Регинка родилась, она пообещала себе стать для нее хорошей матерью. Но не справилась, предала доченьку.

С трудом преодолев крошечное пространство, Лариса наконец дошла до комнаты Регины. Та сидела на полу, свернувшись клубочком и забившись в угол под раскладным столом, который постоянно использовала в качестве своеобразного убежища. Рыдала навзрыд, но мать не рискнула послушаться, к Митьке не выбежала и вообще дурости не сделала.

Лариса, собиравшаяся прочесть дочери нотации и наподдать как следует за все, что та натворила, вдруг почувствовала, что у нее просто нет сил. Она рухнула на старый линолеум, полинявший местами, который оставался чистым лишь благодаря тому, что дочка сама убирала свою комнату и не допускала туда мать. Притянула к себе рыдающую девочку и погладила ее по темным спутанным волосам.

– Кто еще о вас знает? – вздохнув, поинтересовалась она.

– Никто, мамочка, никто. – Регинка разрыдалась пуще прежнего и с неожиданной силой и любовью прижалась к матери.

Лариса почувствовала, как слезы закипают в глазах. Ее де-

вочка не обнимала ее уже очень давно. Все чаще в последнее время ей казалось, что Регина ее просто ненавидит и считает дни до того момента, когда сможет наконец вырваться из материнского дома. А ведь она очень любила свою девочку, просто не знала, как это сказать и показать. Да и жизнь у нее такая... неудачная. А теперь ее девочка в беде. Возможно, из-за нее. Но она ей обязательно поможет. Обязательно.

Снова погладив дочь по волосам, Лариса Васильевна вдруг заголосила вместе с ней от резко нахлынувшей черной тоски и безысходности. И полного непонимания, как им всем жить дальше.

* * *

Сквозь мутное стекло Митя смотрел на перрон, но ничего не видел. Куда делась Регина? Кроме матери, у нее не было никаких родственников, к которым ее могли отправить. Сбежать, ничего ему не сказав, она не могла. Да, у нее не было телефона, но она бы нашла способ с ним связаться, если бы захотела. А если не захотела? Испугалась? Поняла, что по сравнению со всем происходящим он, Митя, для нее вообще ничего не значит? Что это не любовь, а так, просто все вокруг ходят парами, вот и ей захотелось. Или все-таки она правду сказала про Костика?

От этой мысли стало горько и больно. Митя почувствовал, как в глазах отчаянно защипало, из-за этого грязное вагон-

ное стекло стало еще более мутным. Но он этого не видел, да и отца заметил лишь тогда, когда тот появился на пороге купе с чемоданами в руках.

Деловито разместив их под полкой места напротив, отец отошел в сторону, пропуская в купе молодую девушку, ровесницу Мити. Тот краем глаза отметил, что одета девица в короткую юбку и футболку, открывающую смуглые плечи. Черные волосы переброшены через одно плечо. Яркий макияж делал девушку старше. Знойная красотка из тех, кого любят снимать в клипах американские рэперы.

– Митенька, ты помнишь Аллочку, дочку Степана Петровича? – неестественно улыбаясь, чужим деревянным голосом поинтересовался папа.

Вместо ответа Митя снова уставился на перрон, не видя его. Регина его бросила? Уехала? Наплевала на него? Ушла к Костику?

– Представляешь, Аллочка едет поступать в тот же университет, что и ты! И так удачно – у нее в столице одинокая тетка, а у той трехкомнатная квартира. Ты сможешь пожить у них до того, как найдешь себе жилье.

Митя продолжал хранить молчание, совершенно не вслушиваясь в слова отца.

– Аллочка, Митя сейчас не в духе, нервничает. Ты присмотри за ним, будь добра. Я знаю, какая ты ответственная и умная девочка, папа все время о тебе рассказывает.

– Не переживайте, Леонид Николаевич, – неожиданно

глубоким и взрослым голосом заверила отца Алла. – Я за ним обязательно присмотрю.

Улыбнувшись в мутное окно, она принялась пристально рассматривать Митю.

Наше время

Снежана была удивительно хороша. Секс сочился из нее, ей ничего не требовалось для этого делать. Просто наклонить голову, посмотреть, вздохнуть. Сергей не мог представить себе ни одного мужчину, который бы перед ней устоял. Так ему было чуть легче жить с тем, что сам он легко поддался соблазну и изменил жене на первой же съемке для блога Снежаны.

Он поставил фотоаппарат на штатив, а сам стоял за ним, глядя на экран. Снежана разговаривала с ним, а фотоаппарат сам делал тысячу снимков. Ему нужно будет лишь выбрать лучшие, хоть это и непростая задача. Снежана была на удивление фотогенична. И даже если она обсуждала поход в магазин за хлебом, то на фото это будет выглядеть так, словно она исповедуется в самых темных грехах.

– Как прошел первый школьный день? – поинтересовалась Снежана, падая на кровать и прикрывая обнаженное тело одеялом в шелковом пододеяльнике. Спать, укрывшись таким, было жутко неудобно, но на фото выглядело бомбически. Вся обстановка в доме Снежаны служила этой цели – она была секс-блогером и зарабатывала на сексе.

– Не знаю, я не успел заглянуть в школу, опаздывал на съемку, – Сергей поправил рубашку, которую натягивал впопыхах после того, как Снежана с порога утянула его в по-

стель.

– Надеюсь, нашего сына ты сам поведешь в первый класс, – хихикнула Снежана, кутаясь в одеяло и выглядя еще более соблазнительной, насколько это было возможно. Тщательно покрашенные светлые волосы, голубые глаза в обрамлении угольно-черных ресниц, розовая кожа – грешница Ева, изгнанная из Рая.

– Снежана, – хихикнул Сергей, но тему развивать не стал, ему не особо нравилось, когда любовница начинала рассуждать о будущем. Не то чтобы он был безумно влюблен в жену или невероятно дорожил семьей. Вовсе нет. Просто его все устраивало, ему не хотелось ничего менять.

– Нет, я серьезно. Через семь лет наш малыш возьмет за руку своего папочку и пойдет с ним в первый класс. Это же так важно, чтобы отец всегда был рядом, – Снежана вдруг нахмурилась. – Или сейчас дети идут в школу в шесть?

– Неважно, – пожал плечами Сергей, а Снежана неожиданно вскочила с кровати, в два шага преодолела пространство между ними и запрыгнула на Сергея, едва не повалив его на пол.

– Как это – неважно? Ты что, не понял, дурачок? Я беременна!

Сергей пошатнулся и, наверное, упал бы, если бы не ухватился в последний момент рукой за мраморную столешницу новомодного стола.

– В каком смысле? – пробормотал он.

– Ну, ты чего... в каком смысле? В прямом! Я беременна!

Снежана пытливо заглянула в глаза Сергея, но, вопреки ожиданиям, особой радости в них не обнаружила. Страх, шок, непонимание – что угодно, кроме счастья.

– Снежана, это так неожиданно, – забормотал Сергей. – Но мы ведь... Ты же говорила, что на таблетках?

– Ну, забыла выпить пару раз, бывает, – пожала плечами Снежана. – А что, ты не рад?

– Рад, конечно, но, понимаешь, я ведь простой фотограф, а не олигарх, я не уверен, что смогу прокормить троих детей, – снова забормотал Сергей, аккуратно усаживая Снежану на столешницу и делая шаг в сторону, к стулу. Кое-как взгромоздившись на него (мебель в квартире у любовницы была красивой, но страшно неудобной), Сергей обхватил голову руками. Идиот! Он ведь собирался порвать с ней еще пару месяцев назад, зачем тянул?

– Почему троих? – искренне удивилась Снежана и, протянув руку, погладила Сергея по лицу.

Если их сын – а у них непременно будет сын, зачем ей дочка-конкурентка? – будет похож на отца, то это прекрасно. Хотя, пожалуй, чуть побольше мужественности ему не помешает. Но этот идеальный нос, чувственные губы, изящно очерченные скулы, тонкие пальцы и густые пшеничные волосы, в которые ей так нравилось запускать пальцы. Все это непременно будет у их мальчика!

– Потому что у меня уже есть двое, – нервно хихикнул

Сергей.

Голова шла кругом, и он никак не мог выдать нужную реакцию. Захотелось напиться и спрятаться под одеялом. Впрочем, сорвись он сейчас с места, резко покинь квартиру и захлопни за собой дверь, чтобы никогда больше сюда не возвращаться, вряд ли Снежана обрадуется такому повороту событий и просто так смирится с происходящим.

– Ну каких двое? – скривила носик девушка и даже с такой гримасой сумела остаться хорошенькой. – У тебя только один сын, он уже большой. Каких-нибудь пять лет – и больше никаких алиментов! Как раз наш малыш пойдет в школу, ты сможешь полностью на нем сконцентрироваться.

– А Алиса? – бестолково спросил Сергей, пытаясь найти на лице Снежаны хотя бы проблески человечности, но тщетно.

– Алиса? – искренне удивилась та. – А при чем тут Алиса? Это же не твоя дочь!

– Моя. Я ее удочерил, – тихо напомнил Сергей, в очередной раз проклиная себя за поспешное решение.

Да, девчонка смогла вернуть былую популярность блогу, но цена была слишком высока. Нельзя было брать первую попавшуюся просто потому, что она показалась ему фотогеничной. Надо было все-таки присмотреться к ней, поговорить с предыдущими семьями. Это Регина виновата, увидела девочку и «влюбилась», как она сама утверждала в первое время. Вот уж правда – от любви до ненависти один шаг.

– Когда ты ей скажешь? – Снежана стала серьезной. Обими руками обхватив лицо Сергея, развернула его к себе и уставилась в глаза.

– Кому? – не сразу понял тот, запутавшись в собственных мыслях.

– Регине, – вздохнув, терпеливо объяснила Снежана. Любимый был красив как античный бог, застывший в камне, но и соображения у него было столько же, сколько у мраморной скульптуры.

– Что скажу Регине? – безнадежно прошептал Сергей в тщетной попытке хотя бы на секунду удержать разваливающийся на куски мир.

– Что ты от нее уходишь! – триумфально воскликнула Снежана, не оставляя ему ни капли надежды.

* * *

Алиса билась ее иступленно, с удовольствием, стараясь попасть по самым болезненным местам. Из собственного опыта она знала, что когда бьют по лицу и таскают за волосы, то это не только больно, но и очень обидно. Именно поэтому она вцепилась в косы маленькой девочки, которую посадили с ней за одну парту. У той в пенале оказались восхитительные яркие резинки и ручки с милыми пони, которыми она не захотела поделиться с Алисой. А ведь та даже сказала «пожалуйста»! И когда Алиса сама взяла симпатичные вещицы,

эта дурочка додумалась обвинить ее в краже.

– Перестань! Помогите! – голоса разума были редки и слабы: большинство первоклашек окружили дерущихся девочек плотной стеной и с жадным любопытством наблюдали за происходящим, не подозревая по наивности лет, какую опасность может таить в себе обычная детская драка.

Впрочем, дракой происходящее назвать было нельзя. Сильная и агрессивная Алиса, успевшая в юном возрасте поднатореть в искусстве драки, добивала соперницу – домашнюю девчушку, за всю свою короткую жизнь не получившую даже шлепка по попе.

– Что здесь происходит? – голос учительницы, заметившей неладное, подействовал словно спрей от насекомых: первоклашки бросились врассыпную в страхе получить чужое наказание.

Учительница, ахнув и всплеснув руками, цепко ухватила Алису за шкурку, оттащила от повергнутой воюющей соперницы и хорошенько встряхнула:

– Алиса, это что еще такое?

– Она меня побила, – провыла поверженная девочка. – И украла мои ручки! И не хочет отдавать! А когда я сказала, что все расскажу, она меня ударила.

– Алиса, это правда? – Учительница, поставив девочку на место, уставилась в дьявольские зеленые глаза, которые Алиса сузила. На мгновение учительнице показалось, будто та сейчас расплачется. Но вместо этого девочка собралась, на-

тянулась как струна и плюнула ей в лицо.

* * *

Кабинет школьного психолога напомнил Регине детский сад, в который мать отдала ее, как только это стало возможным. Ей еще и года не исполнилось. В отличие от других детей, горько рыдавших при расставании с родителями, Регина бежала в сад со всех ног. Ведь там было просто чудесно! Тепло, уютно, красиво.

Там свежий ветер развевал легкие занавески, впуская в помещение солнце и весну. Там восхитительно вкусно кормили. Мягкие аккуратные кровати были выставлены ровно в ряд, а постельное белье пахло чистотой и свежестью. Она могла играть с яркими игрушками, добрые нянечки и воспитательница задавали ей вопросы и интересовались ее жизнью. Впервые Регина заплакала, когда пришла пора расстаться с детским садом. Уже тогда детским разумом она понимала, что больше никогда в жизни ей не будет так хорошо, тепло и спокойно, как здесь.

Воспоминания нахлынули неожиданно и вызвали слезы на глазах. Регина тут же обругала себя – вот дура, еще не хватало разреветься на глазах у школьного психолога! И хотя новость о том, что Алиса украла вещи и затеяла драку в первый же школьный день, моментально вызвала истерику, нельзя это демонстрировать миру.

– Я хочу к маме, к маме, – заходила девчонка, заголовившая ровно в тот момент, когда Регина вошла в комнату.

– Успокойся, милая. – Женщина, похожая на добрую бабушку, сидела на диванчике рядом с девочкой и обнимала ту за плечи. Регина бы не удивилась, узнав, что до ее прихода психолог кормила Алису домашними пирожками и поила вишневым компотом. – Вот твоя мама.

– Это не моя мама, – зашла в новом витке Алиса. – Уходи, ненавижу тебя!

Регина, бледная и растерянная, стояла на пороге кабинета и не знала, куда ей деться от позора.

– Алиса, детка, – психолог обо всем догадалась. – Давай ты немного посмотришь на зверюшек, а мы с твоей... а мы поговорим. Тебе ведь говорила учительница, что у нас есть живой уголок?

Ловко подхватив переставшую в один момент орать девочку, психолог подвела ее к открытой двери, аккуратно подвинула застывшую столбом Регину и указала Алисе на кабинет напротив:

– Иди, детка, там есть два кролика, очень милые. И попугайки. Если тебе повезет, ты услышишь, как они разговаривают. Иди, я к тебе загляну минут через, – она бросила взгляд на изящные часики на руке, – двадцать.

Моментально утихомирившаяся Алиса, игнорируя Регину, вприпрыжку побежала в указанном направлении, приоткрыв дверь и увидев кроликов, взвизгнула от восторга, как

вполне нормальный ребенок. Психолог же, прикрыв дверь, уставилась в глаза Регине цепким взглядом. От доброй бабушки не осталось и следа.

– Присаживайтесь, – кивнула она на удобное кресло, расположенное возле ее рабочего стола. А сама, изящно обогнув его, села на краешек жесткого неудобного стула.

– Девочка удочерена, как я понимаю?

Вместо ответа Регина кивнула, садясь в кресло, и тяжело вздохнула:

– У нас сложный период. Но я очень стараюсь.

– Это понятно, – кивнула психолог. – Я знаю, что это непросто.

– Очень непросто. – На Регину вдруг накатило безумное желание выговориться.

С Сергеем она не могла обсуждать такие вопросы, с Лизкой тоже – подруга бы не поняла. А больше у нее никого не было. Выливать на собственного психотерапевта еще и это не хотелось. Ей бы проблемы прошлого решить.

– За два года мне так и не удалось найти с ней общий язык, я не уверена, что это вообще когда-нибудь получится. Это я во всем виновата, – привычно покачалась Регина.

– Вы знаете, за что Алиса ударила другую девочку? – мягко уточнила психолог.

– Нет.

– За то, что та назвала ее воровкой. После разбирательства выяснилось, что она действительно взяла без разреше-

ния вещи другого ребенка. Мелочь, ничего важного, но это говорит о том, что Алисе катастрофически не хватает внимания, она привлекает его так, как может.

– Я постоянно пытаюсь быть с ней! – с отчаянием воскликнула Регина. – Но она меня отталкивает. Не хочет ни играть, ни гулять, ни чем-то заниматься вместе. Я уже все перепробовала.

Психолог посмотрела в окно, словно осмысливая то, что слышала от Регины. Регина тоже перевела взгляд на чисто вымытое стекло и обнаружила, что ничего интересного из него не видно. Кусок школы и немного серого неба.

– А вы знаете, что большинство детей, которых берут из детского дома, туда же и возвращаются в итоге? – спросила психолог после краткой паузы.

– Нет, – только и смогла выдавить из себя Регина.

– Вам совершенно не в чем себя винить. – Регине тут же захотелось обнять и поцеловать пожилую женщину. Как же редко ей приходилось слышать, что она ни в чем не виновата. – Если вы, перепробовав все методы, вдруг решите вернуть Алису обратно, то это будет закономерно. К сожалению, это участь большинства детдомовских детей, которые попадают в семью уже сформировавшись, – подытожила та и снова улыбнулась, став похожей на добрую бабушку.

– Это исключено. – Регину словно ударили током. Она в шоке посмотрела на психолога и невольно задалась вопросом, а психолог ли та вообще? Как она может говорить такие

ужасные вещи?

– Но вы же не справляетесь с ребенком, и с годами Алиса может стать опасной для окружающих и самой себя, – мягко продолжила та. Жестокость ее слов никак не вязалась с обликом доброжелательной старушки.

– Мне кажется, что это именно ваша работа. Сделать так, чтобы этого не случилось, – отрезала Регина.

Резко встав, она вышла из кабинета, не закрыв за собой дверь.

* * *

– Как их вообще таких в психологи берут? – в пятый раз возмущенно повторила Регина, ожесточенно вмазывая крем в сухую кожу рук.

Ей нужно больше пить, как советуют глянцевого журналы, кожа совсем иссушилась, а впереди зима. Но почему-то когда дело доходило до заботы о себе, Регина ставила это на последнее место.

Переодетая ко сну в шелковую пижаму, на голове специальная мягкая повязка для глаз, которая сейчас нелепо торчала, Регина кипела, словно позабытый хозяйкой на плите чайник. Но муж не слышал ее, это было заметно. Мыслями витал где-то в облаках, хотя и смотрел на Регину.

– Ты меня, вообще, слышишь? – сердито одернула его Регина и сняла дурацкую повязку – все лишнее раздражало.

– Да, – слегка замешкавшись, кивнул Сергей.

– И? – язвительно уточнила та. Душа требовала ссоры. Регина чувствовала, что она скоро сорвется.

– Что – и? – глупо переспросил Сергей. – Возможно, – он запнулся, – возможно, она права?

– Что? – Регина в шоке уставилась на мужа, перестав наконец тереть руки, в которые давно впитался крем.

– Послушай, это все чисто гипотетически, – уцепился за возможность поговорить Сергей, не знавший, как начать с женой сложную беседу.

Он чувствовал себя загнанным в угол, не представлял, как вот так скажет Регине, что у него есть любовница и у этой любовницы вскоре будет от него ребенок. Но ему нужно было что-то делать. Шаг за шагом, хотя бы для того, чтобы успокоить Снежану и предотвратить какие-то резкие действия с ее стороны.

– Что – гипотетически? – пришел черед Регины тупо переспрашивать.

– Ну, гипотетически возможно вернуть ее, – Сергей зачастил, не давая жене возможности вставить хотя бы слово. – Алиса хорошенькая, еще маленькая, есть шанс, что ее удочерит любящая семья, у которой, возможно, больше терпения и опыта. Они смогут найти с ней общий язык. Ну ты же видишь, что у нас ничего не получается! Мы вырастим преступницу! – в отчаянии выкрикнул Сергей.

– Ты с ума сошел? – только и смогла пробормотать Реги-

на. – Ты что, не помнишь, как мы с тобой сами обсуждали, каким уродом нужно быть, чтобы взять ребенка, а затем вернуть его назад? Это же не котенок, да даже котенка просто так не отдашь! Как ты вообще до такого додумался?

– Регина, послушай. – Муж сел на кровати и попытался взять ее за руку, но Регина дернулась, как от удара током.

– И слушать ничего не желаю, – отрезала она. – Если мы, взрослые и умные люди, не можем справиться с одной маленькой девочкой, то о чем вообще можно говорить? Это же мы во всем виноваты, а не она, понимаешь? Мы не потянули. Мы не дали ей достаточно внимания. Она ведь не просила нас себя удочерять!

– Милая, я все понимаю. – Сергею все-таки удалось обхватить жену за плечи и прижать к себе, он горячо зашептал ей на ухо: – Я же не предлагаю тебе просто так взять и вернуть ее в детский дом. А если попробовать отыскать ее родную мать? Помнишь, нам говорили, что ей было всего семнадцать, когда она ее родила. Если она уже двадцать раз раскаялась и ищет ее? Представляешь, какая была бы история?

– История? – Регина стряхнула руки Сергея. – Ты в своем уме? И речи быть не может!

– Милая, послушай... – Сергей вцепился в тему, словно утопающий в спасательный круг.

Ему нужно было что-то делать. Если, например, удастся уговорить Регину вернуть Алису в детский дом или родной матери, то тогда он уйдет от женщины с одним ребенком. Не

то чтобы это делало его лучше, но все-таки оставить мать с одним ребенком – это не с двумя, один из которых бывшая сирота. Это ведь может сгубить и карьеру Снежаны тоже. Люди начнут отписываться. Рекламные контракты иссякнут. Как они тогда будут жить? Возвращаться в банк и лишать себя возможности творческой самореализации Сергею отчаянно не хотелось.

– Ты ведь читаешь этот хейтерский форум, где тебя обсуждают? – снова робко начал он.

– Нет, зачем? – скривилась Регина, тема была неприятной. Не так давно она узнала о существовании хейтерского форума, который обсуждал каждый ее шаг. Любой пост и любое фото перекручивались и интерпретировались в негативной форме. Сначала Регине было обидно до слез, затем она угоорила себя, что это просто зависть, а потом и вовсе попыталась об этом забыть.

– Затем, что я зашел туда. Там уже есть несколько твоих сегодняшних фото – в одном классе с Алисой учится ребенок одной из твоих горячих поклонниц. В кавычках, разумеется. Так вот, в этом гадюшнике уже есть информация о драке, но без подробностей. А что будет, если детали всплывут? Если станет известно о краже?

– Не станет, – пробормотала Регина.

– Ты в этом уверена? – Сергей неожиданно обрел почву под ногами и начал настаивать. – Ты представляешь, что случится, если станет известно, что Алиса воровка? Ты дума-

ешь, кто-то станет нас жалеть или вспомнит о генах? О нет. Все шишки полетят в нас. Это ведь мы плохие родители, мы не справились с воспитанием.

– Она больше так не сделает, – слабо отбила подачу Регина.

– Ты в этом уверена?

В ответ она промолчала, а Сергей, почувствовав слабинку, продолжил переть буром:

– Я не предлагаю тебе просто так отдавать ее родителям. Ведь, в конце концов, ее родители – это мы, – проговорил скороговоркой, словно боялся, что голос дрогнет, ведь называть себя отцом Алисы он по-прежнему не мог. – Мы просто сработаем на опережение. Узнаем все о ее родителях. Если вдруг снова что-то произойдет, то мы расскажем подписчикам настоящую историю Алисы. Сможем намекнуть, я знаю... Ну, вдруг у нее кто-то в тюрьме сидит? И тогда... – Сергей замолчал, выдерживая эффектную паузу.

– Что – тогда? – не выдержала Регина, которой пафос мужа и его правота стали действовать на нервы. – Все, что мы знаем, это то, что Алису родила несовершеннолетняя мать. Про отца вообще ничего не известно, это может быть кто угодно. От директора школы до одноклассника. Может, девочку вообще изнасиловали, поэтому бабушка и отдала ребенка в детский дом. Поэтому все это бред. Как и твое желание прикрыться каким-то мужиком, который пробегал мимо матери Алисы почти семь лет назад!

– Не стоит недооценивать силу генов! – парировал Сергей. – Если Алиса снова что-нибудь выкинет, мы просто наемкнем на ее гены. Вместо того чтобы обвинять, все станут нас жалеть! – триумфально закончил свою речь Сергей.

– Ну, пожалеют, а мы что будем делать? – Раздражение взяло верх, и Регина в очередной раз не сдержалась и сорвалась. – Как ты вообще себе это представляешь? Ее биологические родители узнают о том, что у них есть дочь, а если они потребуют отдать ее назад?

– Ну... тогда отдадим, – неуверенно пробормотал Сергей.

– Что? – Регине даже почудилось, что она ослышалась.

– Отдадим, – более уверенным тоном повторил Сергей, прокашлявшись. – Они ведь имеют полное право на своего ребенка. Да и ты ведь тоже этого хочешь, правда?

Регина сжала губы.

– Неправда, – буркнула она, бросаясь на подушку и отворачиваясь от мужа. Натянула одеяло повыше и уже из-под него пробурчала: – Какие же мы сволочи.

На это у Сергея не нашлось что возразить.

Ледяное ночное молчание выстроило стену между ними. Каждый был в своем коконе и, не смыкая глаз, думал о том, как он мог оказаться в такой ситуации и где теперь искать выход.

Мите не спалось. Воспоминания нахлынули лавиной и так придавили, что он чуть не задохнулся, хотя казалось, что в своей старой детской комнате, которую мама сохранила в том виде, в котором он ее оставил, он первоначально обрел чувство покоя.

Удивительная вещь — человеческая память. Вроде бы события давно минувших дней она задвигает подальше, заменяя их повседневностью. Какими-то делами, фактами, моментами, которые тебе кажутся важными и нужными и создают иллюзию, что прошлое забыто, что старые раны затянулись и о них напоминают лишь незаметные шрамы, невидимые для большинства. Но случайная встреча, словно острый скальпель, вскрывает рану, оттуда выливается весь гной, который не давал окончательно исцелиться. За ним льется кровь. Вместе с ней вырывается все то, что было погребено под семью замками.

Оказалось, что он помнит все ее скромные платья: особенно его любимое, зеленое, которое она сшила сама. Ее запах, ее любимое мороженое — она всегда предпочитала пломбир в вафельном стаканчике. Сейчас, наверное, уже не ест его. Современные женщины приносят простые жизненные радости в жертву красоте.

Их первая прогулка в городском парке — словно это бы-

ло вчера. То, как они по молчаливому уговору избегали центральных аллей. Уже тогда, будучи совсем юными, они знали, что их чувство преступно и не встретит понимания у окружающих (за исключением верной подруги Лизки, конечно же, которую Митя знал с детского сада).

Был мягкий майский день – солнце пробивалось сквозь сочную молодую листву, но не обжигало, а ласкало. Его всполохи скакали, словно веселые зайчики, по асфальту, по лицу Регины, по самому Мите, даря ощущение легкости и безоговорочного счастья. Казалось, что весь мир тебя любит и ты любишь его – разве бывает иначе, когда ты впервые влюблен?

Регина тогда наврала матери, что идет делать уроки к Лизке, впрочем, та не особо интересовалась, где пропадает дочь. Залечивала раны после расставания с очередным кавалером. Митя же отправился на тренировку, но так и не дошел до нее, надеясь, что тренер не станет звонить его матери, которую слегка недолюбливал.

Тогда в тенистой аллее он набрался смелости и взял Регину за руку. Казалось, что весь мир замер, ожидая ответной реакции. Удивительно, как четко он помнит стук собственного сердца и те мучительные несколько секунд, после которых Регина крепко сжала его руку. В тот момент Мите показалось, что их связали невидимой цепью, которую никто и никогда не сможет разорвать. Как же это было наивно и глупо.

Старые часы в зале мелодично пробили два. Мама глубоко спит – после смерти отца она жаловалась на проблемы со сном, врач прописал ей снотворное. Митя тяжело поднялся – пружины старой кровати предательски скрипнули. Он замер, боясь, что в тишине старой квартиры скрип отозвался громким стоном и мама проснется. Начнет переживать, задавать вопросы, лезть в душу, а этого ему сейчас меньше всего хотелось.

Он потянулся к телефону, лежащему на старом письменном столе. Сунул его в карман легких штанов, в которых так и уснул, читая книгу, и тихонько прошел на кухню. Ему не нравился ремонт, который сделала мать. Она заменила то, что покупала когда-то вместе с отцом, на остроумное, серое и холодное. Стерла все теплые воспоминания о детстве. Митя приоткрыл форточку: ночной воздух уже был по-осеннему прохладным, но ему требовалось остудить голову.

Раньше мама всегда прятала сигареты в банке из-под импортного печенья. И сейчас своей привычке не изменяла, хотя прятать их уже было не от кого. Усмехнувшись, Митя достал сигарету, прикурил и, распахнув створку окна, сел на подоконник, не чувствуя пронизывающих объятий ночной сырости. Сделав пару затяжек, он достал из кармана телефон и нашел аккаунт Регины.

Принялся просматривать одно фото за другим, нажимая на маленькое сердечко и не особо отдавая себе отчет в том, что делает. Да, Регина увидит, что он смотрел ее фото сре-

ди ночи. И что? Они уже слишком взрослые для всего этого подросткового дерьма.

Регина выглядела счастливой. Очень счастливой. Красивая любящая семья. Симпатичный, стильный и стройный муж, который почти на всех фото обнимает жену или держится с ней за руки. Прелестные детишки, смотрящие на родителей восторженно. Мальчик-подросток, возраста его сына, мелькал на фото нечасто, видимо, уже не хочет привлекать к себе лишнее внимание. Зато малышка была очаровательная – рыжая, с задорными веснушками, огромными зелеными глазами. Непохожая ни на кого из родителей. Погрузившись в изучение профиля, Митя очень скоро понял, что девочку удочерили. Значит, действительно все хорошо. Несчастливые семьи никогда не возьмут чужого ребенка. Значит, в их доме столько любви, что они готовы дарить ее совершенно посторонним людям.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Митя зашел в свой скромный аккаунт и зачем-то выложил туда фото, сделанное полгода назад, еще до того, как с Аллой у них окончательно все разладилось. Они на Мальдивах – Алла очень любила этот курорт, они частенько там бывали.

После того как Митя из простого врача реаниматолога вырос до заведующего отделением, отец сделал ему царский подарок. Продав квартиру покойных бабушки и дедушки в престижном партийном доме, он дал сыну денег на открытие собственной клиники. Неожиданно Митя, большую часть

жизни просидевший под каблуком сначала матери, а потом жены, нашел отдушину в собственном бизнесе. Клиника была тем местом, где он сам отдавал приказы, принимал решения и нес ответственность. И у него получилось.

Два года спустя он открыл еще одну клинику, затем появились третья и четвертая. Частная реанимация оказалась очень востребована среди богатых и успешных.

Он иногда скучал по рабочей рутине, по адреналину, по краткому ощущению собственного могущества – когда от тебя зависит жизнь человека. Но это чувство быстро проходило. Уж слишком много смертей он видел и знал, как хрупка человеческая жизнь, поэтому все глубже погружался в бизнес. Деньги полились рекой, но он всегда был равнодушен к ним и к тому, что они могли купить.

Он покорно ездил на Мальдивы, которые так любила жена. Потому что острова дарили им краткую иллюзию счастья. Вот и на фото они тоже выглядят идеальной семьей – все так, как у Регины. Она не должна считать его неудачником и думать, что ее побег сломал ему жизнь.

* * *

Конечно же, она увидела его лайки. Уснуть в ту ночь она так и не смогла и отправилась в ванную. Теплый пол и мохнатый коврик были ее своеобразным убежищем, «домиком» из далекого детства. В детстве она часто сооружала такие под

раскладным столом, накрыв его старым одеялом. Она залезла в домик и отключалась от громких пьяных голосов, смеха и звуков, повергавших ее в панику. Это все происходит не здесь и не со мной. Я в своем прекрасном доме в волшебной стране.

Сейчас у нее не было необходимости прятаться от внешнего мира, но привычка к строительству «домиков» осталась. И при первых же сложностях Регина убегала в ванную и садилась на пол. Дура.

Она с содроганием вошла в профиль – его нужно было постоянно мониторить в поисках хейтеров и их мерзких комментариев, которые они с удовольствием оставляли под ее фотографиями. А вдруг уже кто-то написал о драке в школе? Или о краже? Неужели действительно такие вещи передаются с генами? Возможно, им действительно стоило больше узнать о биологических родителях Алисы, чтобы лучше подготовиться к возможным проблемам. Посоветоваться с психологами.

Регина всегда считала генетическую предрасположенность выдумкой. Верила, что все дети рождаются хорошими, а дальше все зависит от того, что вложат в них родители и общество. Иначе где бы она сама была сейчас? Но в случае с Алисой эта теория явно дала сбой.

Тем вечером она попыталась поговорить с девочкой о произошедшем, но та проигнорировала ее, обозвала душой и предательницей за то, что Регина не купила ей дурацких

кукол, как обещала утром. Да, она поступила нехорошо, не сдержав слово. Но как еще она могла наказать Алису? Не бить же ее, в самом деле, и ставить коленями в гречку.

В профиле было тихо. Несколько сотен комментариев от поклонников, с гордостью делившихся тем, что тоже сегодня отправили любимых детишек в школу в первый раз. Регина любезно отреагировала на каждый комментарий, а затем заметила внушительное количество лайков от кого-то со странным профилем из набора букв и цифр. Такое ощущение, что неопытный пользователь согласился на то имя, которое предложил ему робот при регистрации.

Регина нажала на имя профиля и замерла, уставившись на Митю, запечатленного рядом с эффектной брюнеткой и симпатичным мальчиком на фоне тропического острова. Митя улыбался и обнимал жену. Брюнетка цепко держала его за руку и умело позировала в камеру. Ухожена, красива. Вот она какая. «Любимая». Вполне подходит ему по статусу. Так и должно было быть. А что в подписи? Регина опустила глаза вниз и прочла: «Это правда».

Не отдавая себе отчета в том, что делает, она сделала снимок экрана и сбросила его Лизке, приписав: «Как думаешь, что это значит?»

Четырнадцать лет назад

Это было их седьмое свидание. В парке, уже традиционно ставшим «их». Они катались на канатной дороге, ели мороженое (Митя копил карманные деньги и по-царски угощал Регину каждый раз, когда им удавалось проводить время вместе), зашли в комнату смеха, где от души навеселились, разглядывая себя толстых и кривых и представляя, какими они будут в старости. А Регина все ждала, что он скажет ей главные слова.

Она знала, что он не такой, как другие. Сколько их было — мальчишек, бросивших школу в пятнадцать лет, поступивших в училища и пытавшихся залезть ей под юбку. Ведь к кому... как не к ней? К дочери алкоголички, которая была известна всем в районе как та, которая «дает» за бутылку. Регина даже видела некоторых из них у себя дома, но отчаянно гнала от себя мысли, что мама может опуститься до такой степени. Впрочем, куда еще ниже?

Регина была гораздо привлекательнее матери. Пусть природа и не наградила ее сногшибательной красотой, но взгляд в обрамлении двойного ряда ресниц завораживал, а стройные ноги и грациозная фигурка так и тянули зажать ее где-нибудь в уголке, чтобы провести несколько приятных минут.

Она с двенадцати лет научилась давать отпор. Знала, куда

бить и как быстро нужно бежать, чтобы не догнали. Один раз ей удалось даже отбиться от целой компании, но она понимала, что однажды удача изменит ей. Что так не может долго продолжаться. Все вокруг уже познали радости первой любви, а она все не решалась. И Митя был таким же. Он же с ней не потому, что знает о славе ее матери и думает, что она сама такая. Он с ней потому, что он ее любит. Она это чувствует. Но вот только почему он ей об этом ничего не говорит? Не решается?

Они уже в пятый раз свернули на уединенную аллею старого парка, когда Регина не выдержала и прошептала:

– Я тебя люблю.

Ей казалось, что она сказала это про себя, но Митя услышал. Резко остановился и пытливо заглянул в глаза:

– Это правда?

– Это правда.

С тех пор «это правда» стало их кодовым словом. Они использовали его вместо признания в любви.

Наше время

И вот теперь он писал это под фотографией другой. Стало нестерпимо больно. Регина тряхнула волосами. Нужно взять себя в руки и вести себя как взрослая женщина. Что было, то было. Митя струсил. Сбежал, оставив ее в одиночестве, бросил под лавиной. Несколько лет ей пришлось барахтаться, отчаянно отталкиваясь от дна. Пока она не встретила Сергея.

Сергей был неместным, поэтому был не в курсе той грязи, которая пролилась на нее щедрым потоком, когда история стала достоянием всего города. О ней и сейчас иногда вспоминали, пытаясь ее уколоть. Но к этому Регина привыкла, отрастила броню и не реагировала. Она из принципа не стала уезжать, да и куда ей было ехать? К моменту, когда она окончила медицинское училище, она уже была беременна Тимом. А потом, начитавшись умных книг по мотивации, решила, что все, что нас не убивает, делает сильнее. И осталась. Отрастила толстую кожу, все забыла, как ей казалось. Как же она ошиблась. Ведь стоило увидеть Митю и все снова...

Додумать она не успела, вздрогнула от стука в дверь.

– Ты здесь? – недовольно прошептал Сергей.

Его откровенно бесили попытки взрослой Регины спрятаться «в домике» от всех невзгод. Но открыто он никогда

ей об этом не говорил, потому что сам был ничуть не лучше. Стоило в дверь постучаться временным трудностям, как он тут же садился на поезд и удирает. Как тогда, когда, окончив институт и вляпавшись в грязные дела на работе, быстренько собрал вещи и переехал вглубь страны в надежде, что его никто не найдет. Особенно мама. Ведь это она пристроила его на ту дурацкую работу.

– Здесь. – Регина быстро ополоснула лицо, сделав вид, что в ванную она пришла по делу, а не для того, чтобы спрятаться от очередных бедствий. Но кого она обманывала?

– Информация уже на форуме. Алиса умудрилась побить дочь твоей самой непримиримой хейтерши. Там сейчас просто праздник и шабаш, я сломался на пятой странице, а этой теме уже посвящено пятьдесят, они множатся с космической скоростью.

Кровь отхлынула от лица. Регина облокотилась на раковину. Ее самые большие страхи становятся реальностью. Сейчас все поймут, что никакой она не успешный блогер, хорошая мать и гуру воспитания. Она просто самозванка. Дочь алкоголички, которой место в канаве, где скончалась ее мать. Сергей зашел в ванную и обнял жену за плечи.

– Мы должны что-то делать, – голос мужа доносился как сквозь вату.

– Что? – с трудом выдавила она. – Я не могу отдать Алису.

– Тогда это сделаю я, – решительно заявил Сергей и тут же виновато добавил: – Я просто посмотрю на ее мать. Если она

не в адекват, то мы не будем отдавать Алису, но если она нормальная, то пусть сама воспитывает свою дочь. И заодно про папашу ее разузнаю.

– Нет, послушай... – Регина не успела договорить, как Сергей испарился. А она снова уселась в свой дурацкий домик и закрыла голову руками.

* * *

Алиса была родом из небольшого городка под названием Черемухово. Ее мать удалось отыскать довольно легко. Из свидетельства о рождении Алисы, которое было выдано им вместе с девочкой, Сергей знал, что ее юная мать обладала обычной фамилией Шарова и звучным именем Милена. Милена Шарова с подходящей датой рождения оказалась в стране всего одна. Сергей после нескольких дней мучительных размышлений все-таки отправился в Черемухово, чтобы узнать больше о родной матери девочки и, возможно, попытаться решить вопрос ко всеобщему удовлетворению.

Снежана становилась все настойчивее и даже шутила, что ей придется самой позвонить Регине и поговорить с ней по душам. Сергей шутку обрубил и заверил любовницу, что уже сам все решает, в глубине души малодушно надеясь на чудо. Все-таки ранний срок, ребенок первый, Снежана пила лекарства, мало ли что...

Дальше этого Сергей в своих размышлениях не заходил.

Надо решать проблемы по мере их поступления, как говорила мама, но за пять часов поездки до Черемухово он дважды чуть не попал в аварию по собственной неосторожности. Пришлось даже остановиться на обочине и немного подышать, чтобы прийти в себя.

Он должен взять себя в руки. Иначе быть беде. Впрочем, может, это наилучший выход из положения? От одной мысли, какой скандал начнется в Сети, когда станет известно о его измене, уходе из семьи и новом младенце, он старался не думать. Утешая себя тем, что хайп пойдет на пользу как Снежане, так и Регине. Люди жадны до чужой беды и несчастий, сразу набегит невероятное количество подписчиков-утешителей, и все будут довольны в результате.

Регинку станут жалеть, утешать, и на теме мужа-предателя она сможет выезжать еще несколько лет. Потом начнутся новые знакомства, притирки, возможно, даже свадьба. В итоге Регина будет в шоколаде, ведь сейчас интерес к блогу падает, надо его чем-то поднимать. А он, Сергей, все покорно стерпит, искупая свою вину. Такое развитие событий его устраивало.

Черемухово оказалось дырой, потерявшейся во времени. Сергей судорожно сглотнул, увидев разбитые дороги и покосившиеся избы, встретившие его на въезде в город. Впрочем, городом это место было тяжело назвать. Возможно, классификация осталась с давних времен. На самом деле Черемухово было селом.

Настроение ухудшалось. Сергей смутно представлял, как можно красиво подать историю переезда Алисы из большого города и модной квартиры, где у нее была своя комната, оформленная популярным дизайнером, вот сюда? Сергей с тоской посмотрел на водную колонку, возле которой стояли несколько страждущих с пластиковыми бутылками. Господи, тут же, наверное, даже не во всех домах есть туалеты.

Регине он о своей поездке не сообщил. С той самой ночи, когда он сказал жене, что намерен отыскать родителей Алисы, та с ним не разговаривала. Но Сергей воспринимал это за молчаливое согласие. Ведь, если бы она была против, она бы наверняка ему об этом сообщила.

Заунывный сентябрьский дождик рассыпал по машине миллионы мелких капель. Боясь застрять в стремительно расползающейся дороге, Сергей направился по адресу, который ему сообщили в паспортном столе.

Нужный ему дом оказался трехэтажной развалюхой, наверное, построенной сразу после войны. Растяжки для белья во дворе, отсутствие кодовых замков и багряные астры на импровизированных клумбах – неуклюжая попытка облагородить то, что можно было только снести и отстроить заново.

Дом был густо покрыт трещинами – рамы в окнах сдались под натиском времени, балконы не знали ремонта со времен постройки. Сергей живо представил себе плесень, живущую на стенах, вонь в подъезде и то, как здесь, должно быть, холодно и неуютно большую часть года.

Он просидел в машине почти полчаса, обреченно глядя на открывающуюся взгляду картину. Захочет ли женщина, живущая в таких условиях, забрать к себе ребенка, когда у того появился шанс на лучшую жизнь? Чем дальше, тем больше собственная затея казалось ему глупой, подлой и бесчеловечной.

Он уже завел машину, чтобы развернуться и навсегда уехать из этого Черемухово, где наверняка все черемухи выдохли от тоски, но все решили звонок Снежаны и поток сообщений, от которых его телефон начал трястись как чумной. Кажется, сегодня она собиралась на первое УЗИ. Видимо, хочет поделиться с ним фотографиями будущего малыша.

Сергей не ответил любовнице. Ведь та будет задавать ему вопросы о жене, о том, когда он собирается ей все сказать. Услышав, что Сергей все еще ничего не предпринял, начнет угрожать, что сделает это сама. Чтобы утихомирить рассерженную львицу, ей нужно бросить кусок мяса. Рассказать о собственных действиях. Возможно, его детальный рассказ о том, как он искал мать Алисы, на какое-то время усмирит дракона?

Выключив телефон, Сергей вылез из машины и тут же содрогнулся от промозглого холода, немедленно пробравшегося под тонкое пижонское пальто. Ногам стало мокро и холодно, Сергей опустил взгляд и увидел, что встал прямо в лужу. Итальянская обувь ручной работы была не готова к такому

варварству.

Мелко перебирая ногами, чтобы минимизировать потери (впрочем, грязь так пристала к обуви, что туфли придется выбросить), Сергей засеменил к подъезду. Подумал, не достать ли ему салфетку, чтобы с ее помощью открыть дверь, но потом одернул себя – ты мужик или кисейная барышня? Протрешь руки антисептиком.

Стараясь не дышать (по поводу запахов он оказался прав), Сергей поднялся на третий этаж. Нужная ему квартира располагалась справа. К удивлению, дверь выглядела прилично – пожалуй, самая приличная из всех, которые попались ему на пути. Новенький латунный номер, чистый звонок. Сергей нажал крошечную пупочку и приготовился ждать. Речь он подготовил заранее и навесил на лицо улыбку – он знал, что с ней лучше выглядит и улыбка всегда располагает к доверию.

Дверь открыла старушка, похожая на гриб. Маленькая, сморщенная, сквозь тонкие редкие волосы, напоминающие парашютики одуванчика, просвечивает розовая кожа головы. Сергей успел заметить чистоту в квартире, аккуратные обои в мелкий цветочек, старенькую тумбочку, заботливо укрытую старомодной вязанной крючком салфеткой – такие были у его бабушки. Увиденное внушило оптимизм. Сергей добавил теплоты в голос.

– Здравствуйте, я могу поговорить с Миленой?

– С Миленой? Проходите. – Старушка затряслась мелкой дрожью. Судя по возрасту, это была бабушка Милены. Воз-

можно, у Алисы все-таки есть шанс вместо одной матери получить большую любящую семью?

Женщина приоткрыла дверь и с трудом сделала шаг назад, выпуская гостя. Только сейчас Сергей заметил, что ее пальцы изуродованы артритом и что женщина с трудом передвигается. Он последовал за ней вглубь квартиры, внезапно осознав, что явился с пустыми руками. Надо было хотя бы к чаю что-то купить.

Пройдя по чистенькому коридору и мельком заглянув в небольшую кухню, на которой тоже все блестело чистотой, Сергей преисполнился хороших предчувствий – в таком месте просто обязана жить достойная женщина. Не сама же артритная бабуля здесь убирается? Возможно, мать Алисы совершила по молодости ошибку, наверняка теперь раскаивается, тоскует по доченьке. Счастливые люди так свои жилища не вылизывают...

Сергей не успел додумать, резко остановившись на пороге светлой гостиной, куда он проследовал за хозяйкой. Небольшое пространство было густо уставлено портретами симпатичной молодой девушки, запечатленной в разную пору жизни. Розовощекий младенец в разнообразных ракурсах, гордая первоклашка, симпатичный подросток и молодая женщина в положении с грустью смотрели на невидимого фотографа. Все портреты были перетянуты черной траурной лентой.

Слова застряли в горле, он перевел взгляд на старушку.

Та, мелко трясая головой, пояснила:

– Вот Милена. Что вы хотели? Я ей передам, доченька часто приходит ко мне по ночам.

Доченька? Сергей почувствовал настоятельную потребность присесть. Внимательно и немного бесцеремонно впился взглядом в лицо женщины.

– Вы думали, я ее бабушка? – хихикнула та и снова мелко затряслась, словно замерзшая собачонка.

– Нет-нет, что вы, – настолько фальшиво возразил Сергей, что женщина остановила его взглядом.

– Чаю будете? – поджав губы, поинтересовалась она.

– Спасибо, знаете, я, пожалуй, пойду. – Воздух в чистой квартирке стал затхлым, а унылый сентябрьский дождь показался чуть ли не освежающим водопадом.

Идея с возвращением Алисы в родную семью накрылась медным тазом. Ему надо думать, как быть дальше. О том, чтобы возвращать ребенка больной бабушке, и речи быть не могло.

– А что вы хотели, молодой человек, зачем пришли? – вдруг зачастила бабушка, впрочем, какая она бабушка? Она всего лет на десять старше их с Региной. Просто ужасно выглядит. – Знаете, ко мне так давно никто не приходил, что я любому рада, с удовольствием выпью с вами чай. Пожалуй-ста, не уезжайте вот так сразу. Вы что, знали Миленочку?

Сергей, уже готовый убежать из этой серости и раствориться в дожде, внезапно остановился. Задумался. Куда он

торопится, в конце концов? К Снежане, становящейся все более навязчивой? К Регине, которая с ним даже не разговаривает? Сидит в своем дурацком домике и не вылезает из социальных сетей. К сыну, которому он уже не очень интересен? К мелкой гопнице Алисе?

– Знаете, не откажусь от чашечки, – кивнул он и проследовал на кухню. Вслед за ним засеменила хозяйка.

* * *

– Коллагеновая недостаточность и артроз кистей рук, – пояснила Мария (настояла, что отчества не нужно, они почти ровесники). – Никто не виноват. Просто мой папа работал на Байконуре, возможно, в этом причина. Я рано поняла, что выгляжу не так, как мои сверстники. В двадцать лет мне сорок пять давали. Мама сверлила – действуй, пока совсем старухой не стала. Вот я и родила Миленочку, знаете, даже и не помню, как его звали, на дискотеке познакомились. С Миленочкой природа решила все компенсировать. Все, что не дала мне, дала ей. Красавица она была, танцами занималась, чемпионка края!

В голосе Марии звучали такая гордость и любовь, что Сергей почувствовал, что задыхается. В голову немедленно полезли мысли, которых он всегда старательно избегал. О справедливости бытия, о том, почему одним все, а другим ничего. Почему Регинке, такой холодной и равнодушной, доста-

лась в общем-то хорошая семья в лице его и Тима, а у этой Марии, которая была переполненным любовью сосудом, не осталось ничего, даже кошки.

– Я убираюсь целыми днями, у меня на это уходит больше времени и сил, чем у других. Впрочем, куда мне их еще тратить. – Мария поставила перед Сергеем старые чашки, напоминавшие о детстве: красные, в крупный горох. Ароматное варенье в пиале, дешевое печенье.

– Вы угощайтесь, я вас, наверное, совсем заболтала.

– Скажите, – набравшись смелости, все-таки решился Сергей. – А что случилось... с Миленой?

– Вы так и не представились, кто вы? Знаете, я ведь юрист по образованию, пока инвалидность не получила, в милиции, или как сейчас говорят, в полиции работала, – Мария цепко ощупала красивое лицо сидящего перед ней мужчины стальным взглядом. Этот взгляд был единственным, что осталось от нее прежней.

– Я... – Сергей запнулся, а затем решился – что скрывать? – Так получилось, что мы с женой удочерили вашу внучку.

Повисшая пауза была такой густоты, что ее можно было потрогать руками. На краткий миг Сергей подумал, что Мария сейчас превратится в потустороннее существо и сожрет его. Или же просто выкинет за двери. Если бы глаза умели метать молнии, они бы его прожгли. Женщина переполнилась яростью и собиралась выплюнуть что-то резкое и уни-

чижительное, но вдруг сникла, скрючилась, стала меньше ростом. Хотя казалось, что это невозможно. Ее измученное болезнью тельце и так напоминало куст лещины Конторты.

– О господи, – только и сумела выдавить Мария, а потом расплакалась.

– Что вы, зачем, вот, пожалуйста, водички. – Сергей выскочил из-за небольшого стола и бестолково принялся метаться по кухне в поисках полки со стаканами, фильтров с водой или бутылки минералки.

– Сядьте, ради бога, – вдруг скомандовала Мария.

– Да, – невпопад ответил Сергей и рухнул на стул.

– Думаете, я о ней и не вспоминаю? Спихнула в детский дом и забыла? – зло потребовала Мария.

– Нет-нет, что вы, – снова запротестовал Сергей, но Мария улыбнулась: улыбка вышла болезненной.

– Лжец из вас никудышный, – покачала она головой. И погрузилась в молчание. Сергей сидел на краю стула и не знал, что ему делать. Бежать отсюда или ждать откровенности.

Мария сама нарушила молчание.

– Вначале я ее ненавидела, ведь это из-за нее Миленочка умерла. В родах началось кровотечение, и доченьку мою не спасли. Я ее даже проклинала, представляете? Видеть ее не могла. Представляла, что каждый день она мне будет напоминать о том, что случилось. Поэтому и отдала сгоряча в детский дом. На эмоциях.

Мария замолчала, уставившись в чашку темного чая,

на поверхности которого уже начала натягиваться тусклая пленка.

– И думала о ней каждый день. Она мне снилась вместе с Миленочкой. Спрашивала, почему я так поступила? Ведь она единственное, что у меня осталось. И я вдруг поняла, что просто испугалась. Испугалась, что не смогу, что не потяну и что она закончит так же, как мое солнышко... А так, возможно, у нее есть шанс на лучшую жизнь. Говорят, что здоровых детей моментально расхватывают обеспеченные люди.

Мария низко опустила голову, и Сергей заметил, как на белой скатерти вокруг ее рук расплывается небольшое мокрое пятно.

– Простите, мне не стоило приезжать. – Он вскочил слишком резко, чай расплескался, оставляя на белой ткани уродливые следы.

Сколько же ей придется потратить сил на то, чтобы снова ее отстирать и выгладить? В том, что Мария этим займется, как только за гостем закроются двери, Сергей не сомневался.

Он не стал дожидаться хозяйку – вышел в коридор, обулся и открыл входную дверь. Что-нибудь придумает, как-то оно само вырулит. А сейчас ему нужно бежать, чтобы не погрузиться в пучину чужого отчаяния. Своего хватает. Он открыл дверь, но вдруг услышал тихое:

– Найдите ее отца. Кто-то же должен ему сказать.

Сергей остановился на пороге.

– Он уже два года как на воле, – настойчиво продолжила

Мария, выходя вслед за Сергеем в коридор.

– Отец? В графе «отец» стоит прочерк.

Он развернулся, чтобы посмотреть в лицо Марии, та грустно улыбнулась.

– Прочерк. Это я попросила, чтобы не делать все еще хуже. Он неплохой человек.

– В каком смысле? – Сергей, уже забывший о своем желании бежать, сделал шаг по направлению к Марии.

– Он дома сейчас. Андрей Горячев, живет в Южном, это пригород у нас такой, – проигнорировала его вопрос Мария.

Сергею начало казаться, что он попал в какую-то пьесу абсурда. Умершая малолетняя мать, слишком рано состарившаяся бабушка-инвалид, теперь еще и отец-сиделец нарисовался. Он направился к выходу, но, переступив порог, снова обернулся.

– Зачем вы мне это говорите? – нерешительно спросил он.

Мария с трудом преодолела несколько метров, что их разделяли. Глаза женщины снова стали колючими и ледяными – проснулся бывший следователь.

– Вы же пришли не для того, чтобы девочкой похвастаться.

И не успел Сергей ничего возразить, как она с неожиданной силой хлопнула перед его носом дверь.

Он не помнил, как преодолел вонючие пролеты, как вышел из подъезда. Не заметил, как снова вступил в лужу и перепачкался в грязи, когда садился в машину.

От бессилия несколько раз ударил по рулю. Какая же он сволочь, сволочь. Заварил всю эту кашу. Ясно же, что он не может вернуть девчонку бабке-инвалиду или отцу-зэку. Что же ему делать? Как он мог так вляпаться?

Впервые в жизни он оказался загнанным в глухой угол и не представлял, как из него выбираться. О помощи просить было некого, бежать некуда. Снежане плевать на его проблемы. А мать не поймет. Он один, совсем один.

Автоматически достал телефон, чтобы посмотреть пропущенные звонки или сообщения, и обнаружил, что тот выключен.

Сергея бросило в холодный пот – зачем он его выключил? Переволновался? Снежана сейчас решит, что он ее игнорирует, и начнет доставать Регинку. Только семейных разборок ему не хватало.

Он быстро включил телефон, из которого лавиной посыпались сообщения. Сергей просмотрел те, что были от потенциальных клиентов и рекламодателей, одинаковой фразой заверил всех, что скоро свяжется. От жены ничего – продолжает играть в молчанку. Глубоко вздохнув, открыл сообщение от Снежаны.

Первой была фотография. Мутный черно-белый снимок. УЗИ. И надпись: «Что ты думаешь об имени Серафим»?

Черт. Какой Серафим? Сергей снова уставился в окно, где мелкий дождик превратился в грязные мутные потоки. А если... Нет-нет, отдать Алису отцу-зэку? На такое даже он не

способен. Но ведь у мужика могут быть родственники. Родители. Если Милене было всего семнадцать, когда она родила, парень ее был наверняка приблизительно такого же возраста – школьный роман. Значит, его родители еще молоды. Может, они захотят взять внучку? Бывают же случаи, когда у нормальных родителей вырастают неудачные дети. Вот взять, к примеру, его самого. Уж его маман плохой матерью никто не посмел бы назвать, а вырос у нее он. И никакой английский, рисование и пение в детстве не помогли.

К тому же неизвестно, за что именно отец Алисы сидел. Вряд ли преступление было слишком серьезным, раз его выпустили через несколько лет. Может быть, мошенничество? Или подставили? Или он совершил ошибку, но исправился?

Проклиная себя за малодушие, Сергей развернул машину и направился в Южный на поиски Андрея Горячева.

* * *

Адресом его снабдили в паспортном столе. Дом сидельца, находившийся на отшибе вдали от цивилизации, выглядел на удивление прилично. Словно его занесло сюда злым ветром из волшебной страны. На фоне покосившихся развалюх, преобладавших в Черемухово, покрашенный в яркие веселые цвета домик с резными ставнями, ладной печной трубой, новым крыльцом и ухоженным садом являл собою иллюстрацию к русской народной сказке.

На секунду Сергею показалось, что сейчас ставни откроются, бабка поставит колобок на окно остужаться и заведет долгую сказку, как в детстве.

Припарковав машину неподалеку, Сергей подошел к калитке, толкнул – не заперто. Петли смазаны, калитка недавно окрашена. Почему последний факт обрадовал его больше всего – значит, у дома хороший хозяин, которому будет нестрашно доверить Алису.

Опытным взглядом фотографа Сергей окинул сад. Сквозь резные кроны деревьев, увешанные тяжелыми румяными яблоками, пробивалось неожиданно разорвавшее тучи солнце. Мерзкий сырой ветер стих, перестав доводить его до иступления и вызывать головную боль. В воздухе разливалось пение птиц. Фото и видео встречи Алисы с родственниками в таких декорациях будет выглядеть просто волшебно. Даже фильтры не нужны. Картинка – этакий рай для измученного городского жителя, которого неожиданно потянуло к природе, к корням.

Сергей с удовольствием окинул взглядом ряды аккуратно побеленных деревьев, ветвистые кусты с тяжелой, налившейся соком осенней малиной, грядки, словно выставленные по линейке, на которых надувались пузатые тыквы иставляли гладкие наливные бока патиссоны. Пройдя мимо природных богатств, Сергей подошел к дому и громко постучал. Прислушался. Из дома не раздавалось ни звука.

Сергей, уже выставивший в голове свет и угол для трога-

тельной фотосессии, внезапно пришел в себя и со страхом завертел головой – нет ли на участке собаки? Может быть, хозяева оставили калитку беззаботно открытой, потому что по участку бродит надрессированный на чужаков волкодав? Ему даже показалось, что невидимый хозяин резко свистнул, подзывая к себе пса, и что они оба, затаившись, наблюдают за действиями чужака.

Впрочем, собачьей будки нигде не было видно, так что Сергей все списал на игру воображения. Он еще немного потоптался на крыльце, уезжать, не дождавшись хозяев, было глупо. Ему отчаянно не хотелось снова переться в такую даль ради разговора с родственниками Алисы. Пожалуй, он подождет в машине, должны же они вернуться рано или поздно. Если бы уезжали надолго, вряд ли бы оставили калитку открытой.

Внезапно Сергей ощутил, что голоден. Желудок скрутило, и он предательски заурчал. Он легко позавтракал рано утром перед выездом – выпил кофе и закусил бананом. Больше ничего не сумел в себя впихнуть. И с тех пор во рту не было ни крошки.

Он бросил взгляд на часы. Три пополудни. Немудрено – время обеда давно пропущено. Но при мысли о том, что и как могут готовить в местных заведениях, Сергею стало нехорошо. Он окинул быстрым взглядом улицу – ни души. Дом находился в уединенном месте и к нему прилагался внушительный кусок земли. За основным домом был еще

один небольшой, изрядно потрепанный временем. Дом справа, видневшийся вдалеке, разрушен, слева пустой участок. Кажется, на этой улице вообще никто не живет. Кроме обитателей сказочного домика.

Чувствуя себя Гензелем, которого неудержимо влечет к пряничному домику злой ведьмы, Сергей направился к грядкам. От одного яблока и горсти малины хозяева не обеднеют. В конце концов, он может им даже заплатить, если заметят потерю. Хотя что за глупости – не будут же они малину пересчитывать. К тому же она сама растет, им ничего для этого и делать не приходится.

Сергей протянул руку к наливным ягодам, уже ощущая их чуть кисловатый и одновременно сладкий вкус во рту, как неожиданно оказался на земле, упав лицом прямо в малинник. Он заорал от боли и попытался вырваться из железного захвата, но ему не удалось. Он почувствовал, как лицу стало мокро и тепло, во рту появился мерзкий солоноватый привкус.

Сергей неуверенно моргнул – глаза не пострадали.

– Спокойно, Шайтан, я сам, – хриплый голос отдал команду невидимому псу. Сергей почувствовал, как взмывает в воздух и разворачивается.

Зеленые глаза, точно такие же, как у Алиски, уставились на окровавленное лицо холеного хлыща, решившего его обокрасть.

– Ты что, сука, совсем чужой труд не уважаешь?

Господи, он даже говорит, как она. Чуть морщит нос и прищуривает глаза. Рыжие волосы полыхают костром в лучах послеобеденного солнца.

Разводить политесы было не время, этот зэк сейчас его убьет и закопает под кустом малины, чтобы лучше росла.

– Я от Алисы, – только и сумел прохрипеть Сергей – стальная хватка нового знакомого сжимала горло ровно настолько, чтоб он не мог сопротивляться, но мог дышать.

– Какой Алисы? – уточнил мужчина. Жилистый, среднего роста, совсем не похожий на потенциального одноклассника покойной Милены. Гораздо старше.

– Вашей дочки, – только и успел прохрипеть Сергей, прежде чем потерял сознание.

* * *

Дом был недавно отремонтирован. Скромная, но аккуратная обстановка напоминала казарму. Никаких излишеств, строгий минимум, необходимый для жизни.

В большой комнате, куда Андрей притащил незваного гостя, из мебели лишь обеденный стол, два стула, добротная панцирная кровать, застеленная чистым накрахмаленным бельем, под которым угадывались пуховые перины.

На кровати сидела женщина и смотрела в громко работающий телевизор. На голове платок, одета в теплую кофту и вязанные гамаши. На двух мужчин, вошедших в комнату, она

отреагировала лишь вопросом:

– Кто там, сыночек?

– Гости незваные, – ответил сын, толкая Сергея на один из обеденных стульев, который он поставил посреди комнаты и предупредил: – Даже не рыпайся, я все равно быстрее и сильнее.

Внезапно Сергею стало обидно. Словно маленькая девочка, он нашел аргумент, чтобы уколоть соперника: мол, конечно, чем тому еще на зоне было заниматься, кроме как оттачивать физическую форму. Но озвучивать не стал, благо-разумно решил промолчать.

– Давай на стол соберу. – Женщина спохватилась и встала было с кровати, как сын ее остановил.

– Не надо, мама, не те гости, – усмехнулся он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.